ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 65 (2448) Суббота, 14 августа 1948 г. Цена 40 коп.

Священный долг советской литературы

Два года назад было принято историческое решение ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Постановление ЦК ВКП(б) и доклад тов. А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» явились исторической вехой на пути развития советской литературы. В них были четко сформулированы великие задачи, стоящие перед нашей литературой в эпоху постепенного перехода от социализма к коммунизму. Они высоко подняли значение советской литературы, как самой передовой, самой идейной, самой революционной и демократической литературы мира, «у которой нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа, интересов государства».

Центральный Комитет партии подверг резкой критике работу редакций ленинградских литературно-художественных журналов «Звезда» и «Ленинград». Эти редакции допустили проникновение на страницы журналов чуждых в идейном отношении произведений, произведений упадочнических, культивирующих не свойственный советским людям дух раболепия перед растленной культурой буржуазного Запада, снизили требовательность к художественным качествам публикуемых материалов.

С большевистской ясностью были вскрыты в постановлении корни этих ошибок. Руководящие работники журналов «...забыли то положение ленинизма, что наши журналы, являются ли они научными или художественными, не могут быть аполитичными», положили в основу своей деятельности не интересы коммунистического воспитания советских людей и политического направления литераторов, а интересы личные, приятельские.

Постановление ЦК ВКП(б) точно определило ответственнейшую роль наших журналов, как могучего средства Советского государства в деле воспитания советских людей и в особенности молодежи.

Перед нашими писателями была поставлена задача воспитывать в советских людях высокое чувство советского патриотизма, показать новые качества советских людей, «показать наш народ не только в его сегодняшний день, но и заглянуть в его завтрашний день» (А. А. Жданов). В постановлении ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года и последовавших за ним постановлениях о театре, кино, музыке была дана развернутая программа решительного наступления на растленную культуру современного буржуазного Запада, разоблачения всех и всяческих проявлений враждебной идеологии — аполитичности, безидейности, буржуазного национализма, об'ективизма и формализма.

Народ, государство, партия потребовали от своих писателей активного вторжения во все стороны советского бытия, последовательного осуществления принципа партийности в своей работе, подлинной большевистской воинственности и идейности.

Вдохновляющее влияние исторических указаний партии со всей силой сказалось на том новом под'еме всей многонациональной советской литературы, свидетелями которого мы являемся. Значительно оживилась работа писательских организаций, повысилась творческая активность писателей. Постановление ЦК ВКП(б) вызвало широкий приток в литературу новых талантливых молодых сил, принесших с собой новые темы, мысли и чувства. Во всех братских литературах Советской страны и особенно в русской литературе появились патриотические произведения, ставящие своей целью осмыслить и обобщить народный опыт Великой Отечественной войны, изобразить и обобщить героизм народа, возводящего величественное здание коммунизма.

Новый под'ем нашей литературы значительно повысил ее роль в общенародном деле строительства коммунизма. Но этого недостаточно. Нам нужно изобилие духовной культуры, в богатстве которой партия видит одну из главных задач социализма. Наша литература еще только подошла к решению важнейших задач современности. Тема советского патриотизма, главная тема советской литературы, еще не получила достойного освещения. Образ коммуниста в произведениях наших писателей еще не стал живым олицетворением нашей партии — вдохновителя и организатора побед советского народа.

Одна из важнейших тем нашей литературы — тема рабочего класса, ведущего класса советского общества, также почти не затронута нашими писателями. Тот новый этап в жизни рабочего класса, который характерен для послевоенной сталинской пятилетки, еще не нашел в литературе всестороннего отражения.

Редакции отдельных журналов за последнее время ослабили большевистскую бдительность, понизили требования к печатаемому материалу. Среди работников этих журналов отсутствует большевистская критика и самокритика, проявляется самоуспокоенность и зазнайство, что приводит к возрождению безидейности и приятельских отношений. Об этом свидетельствует, например, появление в журнале «Знамя» гнилой повести Н. Мельникова «Редакция». Журнал «Звезда» поместил порочную повесть К. Ванина «Отец» и предоставил свою «Трибуну писателя» для путаного, политически вредного выступления П. Вершигоры. Редакция «Октября» совершенно ликвидировала отдел библиографии и не только не ведет борьбы с буржуазной культурой и пережитками буржуазной идеологии, но превратила свой отдел критики из боевого средства борьбы за идейную высоту советской литературы в отдел восхваления собственных заслуг и «своих» авторов. Редакция украинского журнала «Дніпро» опубликовала на страницах журнала политически вредную, клеветническую повесть Н. Щепенко. Подобные факты свидетельствуют о серьезном неблагополучии в редакциях некоторых литературно-художественных журналов, об отсутствии большевистского руководства и контроля над ними со стороны Союза советских писателей. Союз советских писателей не уделяет должного внимания руководству и воспитанию молодых писателей. Работа творческих секций и комиссий союза протекает вяло, в ней нередко отсутствует идейная направленность, в обсуждениях не изжиты проявления вкусовщины.

Итти в ногу с насущными потребностями Советского государства и народа — священный долг наших писателей. В период приближения советского общества к коммунизму, в дни героического трудового порыва советских людей, более чем когда-либо, нетерпимо даже малейшее отставание от требований жизни. Наша социалистическая действительность, высокие идейные и нравственные качества советских людей, величие побед партии Ленина — Сталина — неисчерпаемый источник творческого вдохновения для писателей.

Решения Центрального Комитета партии по вопросам литературы и искусства указали нашим писателям и литературным организациям столбовую дорогу развития нашей литературы. Неуклонно следуя по этой дороге, решительно борясь с вредными пережитками буржуазной идеологии, последовательно осуществляя каждое положение этих исторических решений, советские писатели создадут произведения, достойные нашего народа, и оправдают доверие великой партии Ленина—Сталина.

Александр ЖАРОВ

МОРСКАЯ ПЕСНЯ

Гордо стоят корабли у причала,
Берег высокий застыл в тишине...
Вспомним, матросы, как море качало
Нас на своей беспокойной волне!

Вспомним, друзья, как в деньки штормовые
Пламя метали орудий стволы...
Флотскую славу Советской России
Честно хранили морские орлы.

Честно в горячих боях умножали
Флотскую славу народа сыны...
Смело глядим мы в бескрайные дали:
Нам никакие враги не страшны!

Дальние молнии нас не пугают.
В полном порядке орудий стволы...
Флаги отчизны над морем сверкают,
Нам никакие враги не страшны!

В долинах Качи и Альмы

П. ПАВЛЕНКО

Специальный корреспондент «Литературной газеты»

С холмистого плато Бахчисарая сбегают к морю три крохотные по средне-русским понятиям речки — Альма, Кача и Бельбек. Три узкие речные долины образуют три узких оазиса, зелеными потоками бегущих в глубоких оврагах через сухие, каменистые взгорья до самого берега моря.

Лишь острые верхушки тополей, как уши, торчат из оврагов над мутножелтою степью, дрожащей от нестерпимого зноя.

Хлеба почти все убраны, только овсы достаивают свои последние дни, да розово-фиолетовый шалфей наполняет трескучий от цикад воздух своим сонным запахом, да яркожелтые, точно отлакированные круги подсолнухов чисто и как-то звонко сияют в знойной одури дня.

Таких хлебов, как в нынешнем году, давно не знал Крым. Даже на севере, у Перекопа снимают нынче урожаи подстать кубанским, а в степях поюжнее урожай, после двух неблагоприятных лет, ворвался в жизнь, как сущее наводнение, которого, хотя и ждали, но все же не думали, что он будет таким обильным.

В крымских степях хозяйство зерновое, в предгорьях же — комбинированное, смешанное, — поля и сады, плантации винограда, табака и эфиро-масличных культур образуют здесь сложный хозяйственный профиль.

Не успели убрать черешню, подоспела пшеница; не успели разделаться с нею, как подходят овсы, за ними огурцы, помидоры, кабачки, ранние груши и персики; приближается пора яблок, подсолнуха, кукурузы, и все лето, до глубокой осени будет отвлекать к себе рабочую силу табак, этот кормилец предгорных и южнобережных колхозов.

Дни не имеют начала, не знают конца. Идет напряженнейшее, полное радости и надежды, сражение, в котором мало отстающих и совсем нет, как в прежние годы, равнодушных.

Долина Качи длиною всего километров в двадцать пять, колхозы нанизаны на нитку реки, как бусы. Белые и голубые домики то и дело выскакивают по одному на шоссе из глубин старого двадцатикилометрового сада, по низу расчерченного огородами и бахчами. Тут, собственно говоря, две производственные площади, одна на земле, другая — в воздухе, на ветвях деревьев.

Бросаются в глаза то новая крыша, то овчарня, то еще не достроенный птичник, то пасека, еще не заселенная пчелами. За хатами — высокие скирды сена — новинка в крымском ландшафте.

Нигде — ни души. Ни голосов, ни песен, ни лая псов, ни шума машин. Все как бы спит, точно над миром непробудная солнечная ночь. Даже редкие дымки из труб замерли в воздухе, плывя, но не растворяясь.

Вот яблони, каждая с тонной еще не снятых плодов. Тонкие «чаталы» окружили каждую хороводом в тридцать стволов, а они, изнемогая от плодородия, доверчиво обняли их своими уставшими от напряжения ветвями, и будто висят на них, а не стоят на земле.

И старые груши тоже развешены на подпорках, и вишни.

Пронесись ветерок, прыгни на ветку скворец — и плоды, которым тесно друг подле друга, посыпятся на землю.

* * *

В сельце Вишневом, почти у выхода Качи к морю, — колхоз имени Андреева. Председатель колхоза, Евфросинья Ивановна Коноплянникова — женщина лет под пятьдесят, мать десятерых детей (из них трое погибли на фронте) и бабка трех внуков. Она «спервоначальная», как сама о себе говорит, колхозница, и уже десять лет ходит в председателях, иначе говоря, опытный профессионал, руководитель сложного предприятия, каким стала сельскохозяйственная артель.

Хозяйство небольшое, но пестрое: тридцать три гектара пшеницы, двадцать шесть — овса, двадцать шесть — винограда, семьдесят восемь гектаров садов, двадцать — огородов, шестьдесят три улья пчел, немножко скота. Работников же всего сто четыре человека вместе со школьниками.

Виноград связывает артель с совхозами винкомбината «Массандра», фрукты и овощи — с консервтрестом, лаванда — с эфиро-масличными заводами. Проблема кондиций каждого вида продуктов, знакомство с технологией переработки их, точное знание, для чего производится то или другое и что из него получится в промышленности, — все это приближает колхоз имени Андреева к сырьевому цеху нескольких заводов сразу.

Здесь выращиваются не просто огурцы, а огурцы для засолки и маринада или корнишоны, недозревшие маленькие огурчики, которые не имеют права быть кривыми и кособокими, ибо не влезут в банку. Здесь знают, что нет винограда вообще, а есть сорта столовые и винные и что из винных одни идут на изготовление шампанского, и им нужна одна сахаристость, а другие — на ликерные вина, и тут нужна другая сахаристость, другое качество.

Председателю колхоза нынче приходится время от времени «поруководить» и сельпо, и клубом, и кинопрокатом.

Без хорошего клуба нет хорошей работы — это теперь понимает любой. Нет хорошей работы и без сельпо. Проблема головного платочка, которым молодая колхозница любит низко прикрыть лоб, чтоб не выгорали брови, — не проблема кокетства, а «творческие условия», как говорит Евфросинья Ивановна Коноплянникова.

Слава о ней в районе, как о женщине суровой, нажимистой и неотвязчивой. О ней с уважением говорят: «хозяин»!

Наскоро переодевшись в синюю юбку и белую блузку с прошивками и накинув на голову синий с белыми глазками шелковый платок, Евфросинья Ивановна чуть иронически рассказывает о колхозных делах. На вопросы она отвечает скромно, преуменьшая успехи и, на всякий случай, время от времени прибавляя: «Могли бы, конечно, лучше, сама сознаю...» Когда нужно привести какую-либо точную цифру, она как бы припоминает ее. Но вскоре оказывается, что она все решительно знает на-память, и когда доходит дело до рассказа о том, как она покупала в Симферополе лес для пчельника и как ее пытались надуть какие-то складские дельцы, становится понятно, почему о ней идет грозная слава.

С таким деятелем, как Коноплянникова, ни одному бюрократу, да если он к тому же и не чист на руку, связываться нет никакого смысла.

Для нее не представит труда позвонить председателю облисполкома или секретарю обкома, или даже приехать к ним лично и сказать, садясь в кресло:

— Хоть гони, а не уеду, пока лесом мне не поможешь.

И вернется обязательно с лесом.

Коноплянникова даже о самой себе говорит «мы».

— Мы договорились с райпотребсоюзом.

Или:

— Мы уж имеем опыт, знаем.

У нее нет ничего своего отдельного, она вся — мы.

Вопрос о том, каким будет трудодень, всегда неприятно коробит колхозных руководителей. Его боятся, как моряки — расспросов о сроке прихода корабля в порт.

— Располагаем, — осторожно отвечает Евфросинья Ивановна, отирая губы краешком платка, — рублей по пятнадцать одними деньгами, да овощей по 500 грамм, да меду по сто грамм... Ну, да рано еще считать!.. В нынешнем году о трудоднях заботы нет, когда есть семьи — по две тысячи трудодней на счету! Другая жадность напала, — строиться и строиться, хоть бы што!

— В прошлом году, — продолжает она, — хожу по саду, по огороду, прямо не за что зацепиться, а в этом — где ни пройду — досыта подзаправлюсь. Тут мы и увидели, какой он есть, Крым, когда дает, что положено. Это же разве можно было поверить?

И слово, только что шутливо произнесенное, — жадность, — уже облекается дерзкой мечтой. Хочется закрепить на будущие года изобилие нынешнего лета, подхватить природу под уздцы и не дать ей попятиться назад, как норовистому коню.

Омолодить сады, расширить площадь под овощами, увеличить овчарню и пчельник, подумать о лучшей системе полива, о лучших приемах агротехники.

Успех всегда делает человека храбрее и предприимчивее, открывает в нем дополнительные запасы энергии, а успех этого года таков, что делает чудеса с людьми.

Колхоз имени Андреева — переселенческий. Его состав — орловцы и брянцы, извечные хлеборобы. В старое время им понадобилось бы не одно десятилетие для «обживки» на новом месте. А сейчас, спустя четыре года, люди успели уже забыть, что они переселенцы.

Многое, конечно, и оттого, что под Севастополем каждый русский человек считает себя на коренной родине. Сколько орловских и брянских мужиков сложили свои кости в дни первого Севастополя в узких долинах Качи и Альмы, где теперь раскинуты колхозы, у мыса Лукулл, где ныне купаются пионеры, и на виноградниках Бурлюка, вошедшего в историю Альминского сражения...

Немало было среди брянских и орловских колхозников и участников сначала обороны, а затем штурма Севастополя в дни Великой Отечественной войны. Места эти глубоко русские, памятные и по старинным солдатским песням, и по сводкам Информбюро.

— А вы наше море-то видели? Были на нашем море? — рассказав о делах колхоза, вдруг спросила Коноплянникова и, узнав, что не были, по-старушечьи прижала руки к вискам. — Да сейчас же поезжайте, сейчас же. Нашего ж моря нигде нет красивей! — точно это море она сама приготовила для самых дорогих гостей.

Берег здесь в самом деле не хуже евпаторийского пляжа. Невдалеке, за скалой, на юге, — Севастополь. Долина Качи — место ожесточенных боев 1854, 1941 и 1944 годов. Земля вобрала в себя, изгладила воронки и окопы, и только деревья с оторванными верхушками и перебитыми ветвями да развалины школ и домов еще кое-где напоминают о недавней войне. А ведь четыре года назад вся Качинская долина была сплошной траншеей. Один из участников обороны, а потом и штурма Севастополя, приехав нынче в отпуск, так и не узнал, где сражался. Зеленый поток садов все поглотил в себе.

Крым, куда бы вы ни заглянули в него, всегда производит впечатление земли, еще только ищущей своего призвания. Он полон неожиданностей. Его считают горной страной, в то время как настоящие горы занимают здесь не более пяти процентов территории. Крым — сад-степь, окруженная морем.

Между устьем Качи и устьем Альмы на сухих холмистых равнинах наперегонки зреют пшеница, кукуруза, подсолнух и виноград. Израненные войною лозы медленно восстанавливают силы. Но это их царство, их простор. Степно-морской воздух придает здесь винограду особый, удивительно тонкий вкус и как бы второй аромат, почти неуловимый в ягодах и дозревающий уже в вине. Но стоит у Берегового спуститься в долину Альмы, как узкая траншея реки сожмет вас в гуще старых и молодых садов, и весь строй жизни напомнит прикубанские станицы. И снова запах лаванды. И снова пчелы, которым некогда жалить, изнемогающие от труда и оттого равнодушные к человеку. А к вечеру — пряный запах укропа, незабываемый запах русских деревень перед закатом солнца!

* * *

В долине Альмы колхозы расположены один за другим. Не успеваешь выехать из села, как в'езжаешь в следующее. Новые крыши, новые стены, молодые сады, пары под озимь на гребнях вверху, плантажи под виноградные плантации на склонах, и овцы, отдыхающие у воды, и шум машин, грузящих дневной урожай.

Колхоз имени 1 Мая ведет отставной офицер Николай Иванович Медведев, дошедший с донским корпусом до австрийских Альп, а после демобилизации приехавший вслед за своей семьею в Крым. Высокий, чуть-чуть сутулый, он слушает сообщения из бригад, нервно разминая в руках погасшую папиросу. В нем бродит азарт ведущего бой командира. Положение сложно. Колхоз дал обещание товарищу Сталину собрать 480 пудов фруктов с гектара и — выполнит свое обещание, но в тот день, когда я был в колхозе, хлеб еще не весь сдан, хлеб еще в поле, а на краю неба сегодня сдвигаются дождевые тучи, грозят непогодой, транспорт же в разгоне, и нет ни одного свободного человека.

Но именно сейчас, когда урожай захлестывает колхозы, председатели проходят повышенную школу организаторов производства. Не слышно ни одной жалобы на район или область, ни просьбы «нажать» на кого-то или упросить кого-то о чем-то, ни сожаления, что кто-то что-то обещал и вдруг подвел, — как не могло бы этого быть на войне в разгар боевой операции.

Невольно сравниваю я бывшего кадровика-артиллериста Медведева с исконной крестьянкой Коноплянниковой, и мне кажется, что она больше напоминает офицера, чем он крестьянина. Вообще, между ними больше сходства, чем различия. Оба они — люди одной специальности и одного уровня, передовые сельские интеллигенты совершенно новой формации.

Медведев за долгую службу в Советской Армии наверняка призабыл многое из сельской практики. Его ведут не воспоминания детства, а курсы председателей колхозов. Он обращается не к отцовскому опыту, а к книгам. Незадолго до начала уборки он привез к себе профессора Колесникова, опытнейшего крымского садовода, чтобы показать, как он ведет свои сады, как ухаживает за ними. Профессор похвалил. И оба они, профессор и его слушатель, стали думать над тем, как организовать на будущий год систему поливки садов, чтобы закрепить богатый урожай.

Николай Иванович Медведев ставит много интереснейших вопросов.

— Как быть с учебой председателей? — спрашивает он. — Председатель колхоза, помимо курсов, должен иметь возможность учиться заочно. Но где и как? Заочником сельхозинститута не всякий сможет быть. Надо подумать о специальных заочных курсах для колхозного актива.

— Председатели колхозов мало что видят, кроме своих хозяйств. Хорошо бы собирать их раза два-три в год на областные совещания для обмена опытом.

— Деревне нужен свой хороший журнал, где бы писали и ученые, и писатели, и колхозники, рассказывали бы о научных новинках, о местной инициативе, об отдельных мастерах урожая, о культуре социалистической деревни. У каждого теперь мыслей много, а поделиться ими негде.

Слушая Медведева, невольно переносишься я мыслью в южнобережные колхозы Крыма, где, с месяц назад, проходили общеколхозные собрания, посвященные борьбе с лодырями. Как много там говорилось о культуре, о морали, о человеческом достоинстве, о трудовой славе! И многое, высказанное месяц тому назад в другом месте, теперь повторялось в словах Медведева.

Там, в колхозе имени Калинина, близ Ялты, колхозник Бабий сказал:

— Я этого разговора с лодырями три года ждал, три года его во сне видел. Помоему и вышло. И потому вышло, что я ж, как честный человек, вперед на год, на два вижу. Жизнь свою я сам строю, она, как дите мое. А о дите всегда вперед думаешь, как оно покажет себя в школе или на деле. У матери дите еще грудь сосет, а она об нем, как о механике или о летчике, мечтает. Так и я свою жизнь няньчу, да в уме прикидываю, как она у меня подрастет и себя покажет... и завлекает меня красота ее...

Красивой и заглядывающей далеко вперед становится жизнь колхозной деревни даже на примере маленьких колхозов в долине Качи и Альмы, где четыре года назад единственными следами жизни были памятники смерти.

КРЫМ.

На страже морских рубежей

Завтра утром на рейдах нашей страны властно прозвучат боцманские дудки и по большому сбору на палубах боевых кораблей построятся военные моряки.

Вместе с ними встретит День Военно-Морского Флота Союза ССР весь советский народ. Каждый советский человек мысленно будет с теми, кому страна вручила почетную вахту — охранять морские рубежи нашей Отчизны.

Советский Союз возглавляет демократические страны в их борьбе за прочный, длительный мир. Советские люди внимательно следят за всеми маневрами международной реакции на морских коммуникациях. Военно-Морской Флот твердо охраняет государственные интересы СССР.

Мы свято храним в наших благодарных сердцах память о тех, кто растил и строил наш флот — о русском ученом Н. Е. Жуковском, об изобретателе радио А. С. Попове, о Герое Социалистического Труда академике А. Н. Крылове.

Нам дороги те, кто на весь мир прославил родной флот — герои Гангута и Синопа, герои Севастопольской обороны и Порт-Артура.

Мы верны славным революционным традициям матросов броненосца «Потемкина», крейсера «Аврора», возвестившего миру начало Октябрьской революции.

Не померкнут в веках героические подвиги моряков в Великой Отечественной войне советского народа с немецко-фашистскими захватчиками.

С какой гордостью, с каким огромным удовлетворением по всей нашей стране советские люди вспомнят слова И. В. Сталина: «На Балтийском, Чёрном и Баренцовом морях, на Волге, Дунае и Днепре советские моряки за четыре года войны вписали новые страницы в книгу русской морской славы. Флот до конца выполнил свой долг перед Советской Родиной».

Завтра отпразднует День Военно-Морского Флота демобилизованный моряк главстаршина Герой Советского Союза С. Агафонов, работающий сейчас в Москве мастером цеха жестяноштамповального завода. Всеми помыслами будет с моряками бригадир слесарей-монтажников ленинградского завода «Судмех» моторист катера балтиец Н. Агеев. Праздновать будет вся его «флотская» бригада: слесарь Савицкий с подлодки, монтажник Спехов с катера и слесарь Романов с тральщика.

Миллионы советских людей отпразднуют День Военно-Морского Флота. Наш народ любит флот и ценит моряков за их мужество, за их горячие сердца, за беззаветную преданность Родине. С глубоким уважением говорят в городах и колхозах о советских моряках — людях настоящей культуры, постоянно расширяющих свой умственный кругозор, жадно впитывающих марксистско-ленинскую теорию, ведущую к новым великим победам.

Моряки изо дня в день совершенствуют свое военное мастерство, постоянно изучают опыт Отечественной войны, еще выше поднимают морскую культуру, дисциплину и организованность.

Тысячи советских юношей мечтают о флотской службе. С волнением думают они о той минуте, когда им впервые доведется подняться по корабельному трапу. Многие советские люди овладевают сейчас искусством морского дела с помощью Всесоюзного добровольного общества содействия Военно-Морскому Флоту. Многие почерпнули свой интерес к флоту в литературе, в театре, в кинокартинах, где рассказывается о героических днях флота, о его полных захватывающего интереса буднях, о людях, по праву завоевавших всенародную любовь.

Советское искусство создало ряд произведений, посвященных величественной истории русского флота, славным революционным традициям моряков, героическим их делам во время гражданской войны, легендарным подвигам в годы Отечественной войны.

В «Севастопольской страде» С. Сергеева-Ценского, «Цусиме» А. Новикова-Прибоя, «Порт-Артуре» А. Степанова, кинокартине «Броненосец Потемкин» С. Эйзенштейна и многих других с большой силой рассказано о славном революционном прошлом нашего флота.

«Разлом» Б. Лавренева, «Мы из Кронштадта» В. Вишневского и другие воссоздают незабываемые картины участия моряков в событиях первых лет революции. Швандя из «Любови Яровой» К. Тренева, Братишка из «Шторма» В. Билль-Белоцерковского, Годун из «Разлома» Б. Лавренева — до сих пор любимые образы советских моряков, всего народа, его молодого поколения.

Десятки писателей были во флоте во время Отечественной войны. «Морская душа» Л. Соболева, «За тех, кто в море!» Б. Лавренева, «Офицер флота» А. Крона, «Морское братство» А. Зонина, «Студёное море» Ю. Германа — это только часть произведений, написанных о героических делах советских моряков в годы Отечественной войны.

К сожалению, за последнее время наши писатели все меньше и меньше интересуются морской тематикой. У нас нет ни одного полноценного произведения о сегодняшнем дне флота, о тех исключительных по своему значению процессах, которые происходят во флоте сейчас и которые не могут не привлечь к себе внимание писателя.

В прошлом году, посетив крейсер «Молотов», товарищ Сталин сказал своим спутникам:

«Познакомьтесь поближе с жизнью, питанием, обмундированием и бытовыми условиями моряков. Они достойны, чтобы о них хорошо заботились».

В этих словах заключается сталинское отношение к людям. Это наказ всему советскому народу, который с радостью и любовью заботится и будет еще больше заботиться о своем флоте и его людях. Этот наказ полностью адресован также нашим писателям.

Об'единенные в добровольное общество содействия Военно-Морскому Флоту (ДОСФЛОТ), советские люди внесут свой вклад в дело укрепления нашего флота.

В День Военно-Морского Флота граждане великого Советского Союза поздравляют военных моряков с их праздником и вместе с ними приложат все свои силы для того, чтобы выполнить наказ великого Сталина — сделать свой флот еще более сильным и могучим!

ЗЕЛЕНЫЙ МИР

Федор ГЛАДКОВ

В погожие августовские дни особенно остро ощущаешь, как мало зелени в наших городах и селах, как мало мы еще сделали для украшения улиц и площадей. В эти дни хорошо помечтать о шелестящих листвою бульварах, о стройных аллеях вдоль дорог и проселков, уходящих в бескрайние дали, об уютных парках и скверах... Но мне хотелось бы, чтобы мечтающие о городских садах в эти августовские дни занялись заготовкой лопат и саженцев, удобрений и кольев — впереди осень, наилучшее время для массовых посадок.

Я думаю, что озеленение городов и сел в нашей советской стране — **дело большого общественно-культурного значения.** Оно может быть с успехом выполнено только при условии активного участия всех граждан, от мала до велика. Каждый советский человек должен обязать себя непременной повинностью — посадить несколько деревьев в своей жизни.

Зеленые «неподвижные братья», по выражению Золя, будут многие годы шуметь о благодеянии человека. Это будет живой памятник каждому из миллионов, который любит свою родину и заботится о ее красоте и величии.

Вопрос о сохранении лесов и о необходимости древонасаждения уже давно занимал русскую прогрессивную общественность. Сто лет тому назад Аксаков скорбел о хищническом истреблении лесов у нас на Руси. Вспомните хотя бы чеховского Астрова, для которого лес был не только красивым пейзажем, но и стражем человеческого здоровья. Астров сокрушался: «Лесов все меньше и меньше, реки сохнут, дичь перевелась, климат испорчен, и с каждым днем земля становится все беднее и безобразнее». И как патриот, с удовлетворением говорил о своих посадках: «...Когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками, я сознаю, что климат немножко и в моей власти...» Учитель, герой моей повести «Березовая роща», внушает: «Мало насадить сад — его надо создать. Озеленять жилища, насаждать бульвары, парки — это творчество... Это—не просто ковыряние земли и втыкание саженцев, это — устроение человеческой жизни, это — воспитание человека. Я отдаю свою жизнь зеленому миру, потому что отдаю ее людям. Я хочу, чтобы они были прекрасны».

Если в прошлые времена лесонасаждение и озеленение городов было любительством, то в наше время великого созидания коммунистической жизни, когда вся деятельность людей обусловлена стройным, могучим планом, а общественная жизнь организована так, что каждый находит себе почетное место в труде и строительстве социалистической культуры, — дело древонасаждения и озеленения городов и сел должно быть включено в общую систему государственных и общественных работ на основе самодеятельности.

Надо с детских лет воспитывать в нашем человеке сознание, что его личное здоровье и климат его родного края находятся в его власти, что полноводие рек и цветущая красота садов и лесов — это дело его рук, что посадить дерево — такое же большое дело, как выполнить общественное задание или обязательство в социалистическом соревновании. В наших советских условиях все можно сделать, — стоит только захотеть.

Русский народ всегда любил зелень и цветы: самые задушевные его песни как будто слагались в садах и перелесках, на зеленых берегах рек. В песнях своих русский человек — и упорный работник и певец природы.

Как хозяева и творцы своей жизни, мы обязаны преобразить природу и заставить ее служить нам.

Вспоминаю, как строители Днепрогэса оживили парками, бульварами, фруктовыми садами голую степь и гранитные скалы, покрыли площади коврами цветов. Чтобы хорошо, ударно работать, — говорили днепростроевцы, — надо культурно организовать быт. Еще до начала больших работ по сооружению плотины построены были прекрасные общежития для рабочих и дома для инженеров, и одновременно посажены тысячи деревьев. На обоих берегах Днепра раскинулись парки, а на заводских дворах все дороги обсажены были деревьями. И я ни разу не видел ни сломанной ветки в руках, ни сорванного цветка. Днепрогэс был образцовой стройкой, где созидание промышленных комбинатов сочеталось с организацией культуры жизни.

Но я смотрю из моего окна на двор исторического дома в стиле ампир, с редчайшей литой оградой. В этом старинном доме раньше помещалась школа. Обширный двор был тенистым садом. Теперь он превратился в свалку.

Немецкие оккупанты нанесли огромный вред нашим городам. Опасаясь партизан, они вырубали парки и рощи на городских окраинах, вдоль шоссейных и железных дорог. Они превращали аллеи и бульвары в солдатские кладбища или в склады боеприпасов, варварски истребляя деревья на топливо или на строительные поделки. Урон зеленым насаждениям нанесен огромный и трудно поправимый. Домну можно возродить в несколько месяцев, — и она будет еще производительней, еще краше довоенной. Восстановить же парк в такой срок невозможно, раны войны надо залечивать упорным трудом в течение нескольких лет.

Настало время, когда **работу по древонасаждению и охрану посаженных деревьев необходимо включить в систему социалистического воспитания нашего человека.** Эта работа должна быть делом чести советского гражданина. Каждый из граждан отвечает за судьбу любого дерева. Рождение ребенка, женитьба, семейные юбилеи должны ознаменовываться посадкой деревьев на общественной земле. Для каждого труженика дерево — священная реликвия. Дети и подростки должны знать, что дерево, посаженное ими,—их достояние, оно растет вместе с ними. Это — их биография.

Дети очень любят общественный труд, а труд на земле — для них отрада. Соревнование для них — это вдохновение и самые дорогие часы их жизни. Это — их рост. Сейчас, по инициативе ЦК комсомола, идет кампания по вовлечению пионеров и школьников в работы по посадке пришкольных садиков. Это — прекрасное начинание. Но эта кампания охватывает только часть детей: она похожа на любительский штурм. Необходимо организовать дело так, чтобы вовлечь в работы по озеленению **всех** школьников и пионеров, чтобы это было такой же **обязанностью** каждого, как хождение в школу.

Все дело в системе. Надо связать каждую школу и пионерский отряд с трестом озеленения, организовать постоянный инструктаж и руководство работами. Надо в каждой школе создать штабы по древонасаждению и охране посадок. Каждое дерево, посаженное подростком, должно быть закреплено за ним. Сад, сквер, бульвар, посаженные школой и отрядом, должны носить их имя. И тогда ни одно дерево не будет испорчено, ни одна ветка не будет сломана: это — достояние школы, отряда, каждого подростка, и на них лежит ответственность за судьбу каждого «зеленого друга».

Впрочем, эта «повинность» касается не только пионеров и школьников. Взрослые тоже должны быть привлечены к такой планомерной работе. Во многих городах уже началась серьезная кампания по озеленению улиц и дворов. Созданы квартальные комитеты. Из года в год горожане украшают свои кварталы, ухаживают за деревьями, разбивают цветники и во дворах, и вдоль тротуаров. И города эти зазеленели и загорелись цветами. Желание приобщиться к этой работе есть у каждого из нас, недостает только системы, руководства и плана. Можно ли этого достигнуть? Не только можно, но и необходимо.

На наших глазах рождается новый тип советского села, совхозного поселка. Архитектура впервые входит в прямое соприкосновение с сельским строительством. Уже десятки колхозов заказали архитектурным мастерским проекты клубов, театров, административных зданий, планировку улиц и площадей. На чертежную кальку уже нанесены контуры будущих сельских парков и скверов. Доброе начало!

В колхозах, не откладывая на будущее, нужно немедленно включить в план работ посадку деревьев вдоль улиц, на усадьбах, по оврагам (предупредительная мера против обвалов и осыпей), по берегам речек и прудов, чтобы сохранить подпочвенные воды и пресечь высыхание ручьев и источников. В наших условиях польза и красота — нераздельны.

Здоровье и бодрость придут в город вместе с зеленью, и зной раскаленного камня сменится прохладой тенистых аллей. Благоустройство, красота, здоровье, культура быта — вот смысл и значение **социалистического соревнования по озеленению страны.** Это соревнование должно вылиться в могучее **массовое движение.**

Пусть же зеленый мир войдет своим благоуханием, целительной свежестью и радостным шумом в нашу трудовую жизнь и овеет своей красотой и поэзией нашу беспокойную юность и почтенную старость.

Мустай КАРИМ

Мустай Карим — молодой башкирский поэт. Первая книга стихов Карима вышла в 1938 году. С тех пор он выпустил 6 сборников. Много и плодотворно работал Карим во время Великой Отечественной войны в армейской печати. Сейчас «Молодая гвардия» выпускает первый сборник Карима на русском языке. Мы печатаем два стихотворения Карима в переводе М. Дудина.

Девушки нашего колхоза

Здесь каждой весной неизменно,
В зеленом прибое ракит
Черемухи белая пена
Над медленной Демой кипит.

Здесь лилия, нежась рассветом,
К воде перламутровой льнет.
А с лип осыпается летом
Янтарными каплями мед.

Ночной отстоявшийся воздух
Застыл, как большой водоем.
...Пожалуй, довольно о звездах —
О девушках лучше споем.

Никто в целом мире не сходен
С такой загорелой красой.
Глаза их чернее смородин,
Омытых холодной росой.

На смуглые плечи струится
Тугое сплетение кос.
Осенняя ночь не сравнится
С густой чернотою волос.

Их брови, — заметить не лишне, —
Как ворона крылья вразлет.
А губы, как горные вишни,
В погожий созревшие год.

Когда по раздолиям пашен
Созреет высокая рожь,
Проворнее девушек наших,
Пожалуй, нигде не найдешь.

В работе они знамениты,
Упорны, красивы, сильны.
И лучшие в мире джигиты
Пожизненно в них влюблены.

И если на нашем Урале
Не будешь ты лучшим из всех,
Я прямо отвечу: едва ли
Тебе улыбнется успех.

Ни слова к тому не прибавлю,
Расхвастался, скажут, Карим.
Ну что же! Я девушек славлю,
Пусть звезды завидуют им!

1948 г.

Звезды счастья

Дрожит земля, и звезды меркнут
От орудийного огня.
И вдруг седая ночь, как беркут,
Накрыла крыльями меня.

В огнях, в кровавой крутоверти
В атаку конники идут.
И спор о жизни и о смерти
Минуты с вечностью ведут.

Я тоже был на переправах.
Теперь, ни мертвый, ни живой,
Один в пыли, в железных травах
Лежу с кровавой головой.

Не тронь меня, проклятый беркут!
Земля, освободи меня!
Но кровь течет, и звезды меркнут,
И нет поблизости коня.

А ночь плыла, и тьма кололась,
Как вороненые штыки.
Я вдруг услышал тихий голос,
Дыханье около щеки.

— Проснись, джигит! —
Во мраке ночи
Я не заметил ничего.
Я только видел очи, очи,
Как звезды счастья моего.

Зачем мне небо в метеорах
И звезды северных ночей?
Я на земле, где дым и порох,
Нашел родник живых лучей.

Откуда ты ко мне слетела,
Живую воду принесла?
Кому, какие песни пела,
В какой долине ты росла?

Я узнаю России милой
Звезду мою,
Судьбу мою.
Я наливаюсь новой силой.
Я оживаю,
Я пою.

1942 г.

СЛОВО ХОЗЯИНА

Ценности искусства— в государственный фонд!

«Антикварные изделия» — гласит вывеска магазина в Столешниковом переулке в Москве. В большой комнате, в глубине магазина, можно провести часы, — пишет в «Литературную газету» доцент Московского педагогического института им. Потемкина Л. Резцов. — Здесь продаются картины Маковского, Поленова, Коровина, Шишкина, Архипова, Кустодиева, Айвазовского... Выставлено больше ста полотен.

Случайные цены. Случайные покупатели.

Поступающие в магазин картины нередко продаются в тот же день, редко задерживаются на несколько недель.

Государственная закупочная комиссия, повидимому, мало интересуется этим рынком, где из рук в руки переходят большие ценности русского национального искусства.

Если нецелесообразно и невозможно об'явить государственным достоянием произведения художников-мастеров досоветского и советского периода, то вполне возможно и целесообразно было бы государству выступить в качестве **основного покупателя** этих ценностей. Пересмотр функций и об'ема деятельности Государственной закупочной комиссии при Комитете по делам искусств (а может быть и реорганизация этой комиссии?) настоятельно необходим.

Молодым рабочим—учебники на родном языке

С каждым годом все возрастает техническая оснащенность нашего социалистического хозяйства, — пишет старший инспектор-методист Управления освоения земель Кура-Араксинской низменности тов. Н. Г. Новохацкий. — Новая техника требует высококвалифицированных специалистов, особенно работников массовых профессий.

Мы в Азербайджане начали широкую подготовку новых кадров, но при организации курсов по подготовке трактористов, десятников-строителей, мелиораторов и других специалистов массовых квалификаций столкнулись с тем, что отсутствуют учебная литература и учебные плакаты на азербайджанском языке.

Между тем, в школах механизации, школах трудовых резервов и на краткосрочных курсах обучаются **десятки тысяч** азербайджанцев. Учебной литературы на родном языке они не имеют. Таким образом, учащиеся лишены возможности закреплять получаемые на лекциях знания, а молодые специалисты не имеют печатного руководства для дальнейшего повышения квалификации. Им нужно дать учебники, — заканчивает свое письмо тов. Новохацкий.—Работники Азербайджанского государственного издательства «Азернешр» должны обеспечить молодых рабочих учебной литературой на родном языке.

Проблема водосточной трубы

Недавно четвертая сессия Калининского городского совета депутатов трудящихся, — пишет нам тов. М. Семенов из гор. Калинина, — обсудила план мероприятий по восстановлению и благоустройству областного центра. За последние шесть лет на восстановление жилищно-коммунального хозяйства гор. Калинина израсходовано 97 миллионов рублей. Только за 1947 год жилая площадь города увеличилась на 30 тысяч квадратных метров. В текущем году в жилищное строительство вкладывается 19 млн. рублей.

Наряду с этими значительными цифрами, сообщенными сессии исполняющим обязанности председателя исполкома городского совета тов. Лебедевым, необходимо сказать несколько слов о такой, на первый взгляд малозначительной, детали каждого нового здания и непременной принадлежности каждого ранее построенного, как водосточная труба. Придумана эта труба давно, по устройству очень проста; материал — кровельное железо, назначение — предохранить стены и фундамент здания от действия атмосферных вод. Об этом приходится писать сегодня, так как идет вот уже четвертый послевоенный строительный сезон, и хочется, чтобы эти трубы были подвешены к домам именно в этом сезоне, а не в будущем. И никто уже в этом сезоне не сможет обосновать отсутствие этих труб и разрушение зданий доводами об отсутствии материалов.

Многие здания города, построенные столетия тому назад с таким запасом прочности, который способен выдержать надстройку в 4—5 этажей, стоят с вывалившимися углами фундаментов и стен, а каменные стены квартир первых этажей в таких домах в периоды весенних и осенних дождей промокают насквозь. Достаточно пройти по главной улице от Советской больницы до Почтовой площади, чтобы насчитать полтора десятка таких зданий.

Спрашивается, кто дал право так относиться к государственному жилищному фонду? Что мешает, наряду с огромными капиталовложениями в новое строительство, по-хозяйски заботиться о существующем жилищном фонде?

Можно себя успокоить, что это только наше местное явление. Тогда, может быть, достаточно было бы обратить внимание местных руководителей. Но ведь это не только местное явление!

Письмо ветеринарного врача

Во многих колхозах очень запущена ковка лошадей, — пишет ветеринарный врач А. Горский из Борисоглебского района Ярославской области. — Копыта у лошадей заламываются, потому что своевременно не расчищаются, лошади раньше срока выходят из строя, теряют работоспособность. Все это происходит потому, что не готовят у нас ковочных кузнецов. Хорошо подковать лошадь умеют лишь те кузнецы, которые служили в армии, где это дело поставлено образцово. Однако им тоже работать не легко: нет копытных рашпилей, подков, ковочных гвоздей. Эти необходимые в сельскохозяйственном производстве предметы должны как можно скорее появиться в продаже.

Я считаю также, — заключает тов. Горский, — что в каждом районном центре при райветлечебницах должны быть устроены образцовые ковочные кузницы. При этих кузницах надо открыть школы, которые готовили бы для колхозов ковочных кузнецов.

Институты на заводах

В вечерних институтах, созданных Министерством высшего образования СССР на крупных машиностроительных заводах страны, идет новый набор слушателей. Сотни рабочих — токарей, фрезеровщиков, слесарей, кузнецов наряду с мастерами и техниками поступают в заводские вузы.

Для многих студентов, занимающихся в вечерних институтах без отрыва от производства, новый учебный год будет последним. Литейщик Ворошиловградского завода И. Кабан готовится стать инженером-механиком по паровозостроению. Он перешел уже на пятый курс факультета транспортного машиностроения. Кончает институт и бригадир электриков автозавода имени Сталина И. Прокопенко. Он приобретает специальность инженера-механика по автомобилестроению.

Писатели в гостях у сельских учителей

КИЕВ. (Наш корр.). Двенадцатый «День сельского учителя» состоялся недавно в Киевской области. Около 200 педагогов школ Броварского района собрались в просторном клубе села Гоголев. В гости к ним приехали лекторы, научные работники, писатели и актеры столицы Украины. Учителя из сел Требухов, Заворичи, Княжичи, Большая Дымерка и других прослушали в этот день лекции о международном положении и коммунистической морали. Писатели П. Воронько и Ю. Макреев прочитали свои произведения, а мастера художественного слова ознакомили аудиторию с новыми стихами А. Малышко и поэта-сатирика С. Олейника. М. А. Борц — мать Вали Борц, одной из участниц «Молодой гвардии» — рассказала о славных делах краснодонцев.

Вечером в клуб пришли колхозники села Гоголев. По их поручению председатель колхоза «Червона Украина» тов. Винарский рассказал, как члены артели добились высоких урожаев.

«День сельского учителя» — интересная форма массовой работы среди педагогов— пользуется большой популярностью на Киевщине.

Александр ИВИЧ

Раннее прощание

1.

Вот диплом, вот путевка на завод и — прощай!

Навсегда?

Увы, навсегда!

Вуз расстался со своим воспитанником. И где уж тут, за чередою дел, полюбопытствовать о его судьбе на работе!

Недосуг!

Неудачи инженера Чеботаревой начались на Челябинском тракторном с первого дня — год назад, когда она пред'явила в отделе кадров завода путевку Сталинградского института сельскохозяйственного машиностроения. Ее направили в производственный цех — технологом, несмотря на то, что окончила она курс по конструкторскому отделению.

Первой мыслью было тогда сразу написать в институт — зачем меня направили в Челябинск, если здесь не нужны конструкторы?

Скажем сразу: молодой инженер **боялся** цеха, опасался встречи с коллективом рабочих и мастеров, в котором надо занять командное место и завоевать авторитет.

Казалось бы, неестественна эта робость для советского человека, с первых дней сознательной жизни неразрывно связанного с коллективом и в учебе и в труде. А в то же время у Чеботаревой были основания бояться цеха — чего-то недодали ей в годы учения, чего-то ей нехватало, чтобы обрести уверенность в себе.

Чеботарева подходила к станку робко, потому что знала его только в чертеже, в схеме. Прошел год с тех пор, как она впервые вошла в цех, и сколько раз за это время приходилось ей мучительно краснеть то за неловкость рук, то за неумение решить практический вопрос, краснеть и переживать мучительные сомнения: удастся ли ей вообще когда-нибудь освоиться с работой в цехе?!

2.

Вот об этом, пожалуй, стоило написать в институт: как случилось, что ее, конструктора, так мало подготовили к работе в цехе? И уж если это произошло, то чему надо теперь в первую очередь поучиться, что нужно прочесть, чтобы быстрее занять место полноправного командира производства?

Но Чеботарева и этого не написала — ведь нити порваны, в институте сказали год назад «прощай» и уже забыли о своей воспитаннице.

Конечно, в известной мере, неуверенность для молодого специалиста неизбежна во всякой профессии, как неизбежны для него трудности в решении практических задач, но все дело в мере. Когда доходит до стремления получить работу где угодно, только не в цехе, — тогда мера несомненно перейдена.

А это случай не редкий. Мне пришлось на Челябинском тракторном заводе говорить с несколькими молодыми специалистами, пришедшими сюда из разных вузов, и все они в первое время были огорчены назначением в цех.

Когда говоришь с инженером Евгением Ивановым — заместителем начальника одного из ведущих цехов завода, меньше всего можно заподозрить, что ему свойственна излишняя робость или неуверенность. В четкости движений, в манере речи, серьезной и обдуманной, в определенности убеждений молодого инженера чувствуется сформировавшийся командир производства. И странно было слышать, как этот спокойный и целеустремленный человек рассказывал о тяжелых днях и о тех волевых усилиях, необходимых молодому инженеру, чтобы не отказаться от принятого решения — работать в цехе, а не в заводоуправлении.

Три года назад Иванов окончил Уральский политехнический институт и получил путевку на небольшой завод в Донбассе. Его назначили мастером. Молодой специалист, получивший вполне солидную теоретическую подготовку в институте, на заводе оказался беспомощным мастером. Нужно было не только много **знать,** но и кое-что **уметь.**

— Я путал, об'ясняя молодым рабочим управление станком, потому что сам не умел им управлять, и мне было мучительно стыдно. Я затачивал резцы — они не резали, хотя я теоретически отлично знал, как их затачивать. Я мог произвести расчет шестерен на любую резьбу, но не умел нарезать даже самую простую.

Иванов не подыскивал примеров — они приходили ему на память сразу и в изобилии. Человек хорошо запоминает горькие неудачи. А ведь институт мог его избавить от многих невзгод, дав иную, более целесообразную или более обширную производственную практику на заводах и в своих мастерских!

И много раз думал Иванов: надо написать в институт, что есть какие-то ненормальности в постановке производственной практики. Надо бы попросить библиографию, совета.

Итак, и Иванов хотел обратиться в свой институт. Но не обратился. Кому писать — ректору, декану? Нити оборваны. Письмо, пожалуй, возбудит только недоумение.

3.

Евгению Иванову, человеку способному, волевому, понадобилось три года, чтобы преодолеть неуверенность, обрести навыки, которые следовало получить еще в период учебы. Иванов теперь хороший инженер. Институт вправе бы гордиться таким воспитанником, но институт не гордится Ивановым — не по скромности, а потому, что никто в вузе понятия не имеет, куда девался, где и кем работает хороший инженер Иванов.

Формально все правильно. Официальные, так сказать, отношения института с его воспитанником кончаются выдачей диплома и направлением на работу. В сущности, ведь и отношения завода к выпущенному им трактору кончаются отправкой потребителю. Но конструкторы-то выезжают в колхозы и МТС, чтобы наблюдать свой трактор в работе, посоветоваться с механиками и водителями.

Казалось бы, когда речь идет о самом драгоценном — о человеке, о воспитании деятеля советского общества, следует особенно тщательно и пристально присмотреться к его пути. Нужно обдумать трудности, встающие перед молодым специалистом в практической работе, проанализировать его ошибки, чтобы улучшить подготовку специалистов.

Речь идет и о судьбе инженера, и о чести института. Разве не обязан вуз, выпускающий инженера, заботиться о своей «марке», разве не заинтересован вуз в том, чтобы заводы добивались направления к ним инженеров **именно** из данного института? Разве не обязан институт добиваться, чтобы его диплом был гарантией знаний и практических навыков, которые нужны молодому инженеру для быстрого освоения командирской должности?

Руководителям институтов, право же, следует прислушаться к голосам молодых специалистов и поддерживать с ними связь. Инженеры могут поделиться со своими профессорами наблюдениями, предупредить будущих выпускников, — с чем придется им встретиться в цехах, к чему надо подготовиться самим, помимо лекций.

4.

Но это только одна сторона вопроса — чем могли бы помочь своему институту бывшие воспитанники. Есть и другая сторона. Кончаются ли моральные обязательства института перед выпускниками в тот день, как кончаются его обязательства официальные, т. е. когда выдан диплом и подписана путевка на работу? Не должен ли институт сам, по своей инициативе, проверить правильность использования на предприятии молодого специалиста, сам помочь молодому командиру в преодолении трудностей практической работы?

Зная условия производства и характер работы выпускника, институт может хотя бы первые годы держать его в курсе технических новинок.

Молодой специалист в первые годы самостоятельной работы почувствует, что прежние учителя о нем помнят, за его успехами следят. Это будет дополнительным стимулом к тому, чтобы не застаиваться на месте, не отставать от достижений науки, углублять знания.

Мне пришлось на Челябинском тракторном заводе говорить с несколькими инженерами, уже имеющими солидный практический стаж и совмещающими сейчас производственную работу с научной. Они сдают кандидатский минимум, готовят диссертации. И ни один не связан в своей научной работе с тем институтом, где получил образование.

Инженер Шитов, руководитель одной из важнейших лабораторий завода, двенадцать лет назад окончил Московский химико-технологический институт. С тех пор никто из его учителей не поинтересовался — как проходит Шитов свой инженерский путь.

Между тем связь с окончившими возможна, и там, где ее хотят поддержать, находят подходящие формы.

Ведь на том же Урале Молотовский университет ежегодно весной собирает конференции бывших воспитанников. Это уже стало традицией. За два месяца до встречи рассылаются персональные приглашения с запросом — не хочет ли бывший воспитанник выступить с докладом и на какую именно тему? Работа на конференции проходит по секциям. Профессора университета делают доклады о последних достижениях науки, бывшие воспитанники выступают с сообщениями о новинках практики, о собственных, имеющих общий интерес работах.

Товарищ Сталин говорил на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 года: «... школа — это только подготовительная ступень. Настоящая закалка кадров получается на живой работе, вне школы, на борьбе с трудностями, на преодолении трудностей».

Именно эти сталинские слова заставили работников Молотовского университета постоянно поддерживать связь со своими питомцами, следить за их работой и помогать им в практической деятельности.

С благодарностью вспоминают инженеры учебу в вузе. Набравшись опыта на заводе, они вносят предложения: как улучшить дальнейшую подготовку специалистов, как сэкономить им время и душевные силы, как обеспечить их дальнейший рост?

Евгений Иванов хлопочет не о себе. Для него трудности позади. Он думает о младших своих товарищах, о тех, кто завтра кончит Уральский политехнический институт, кто сегодня поступает в вуз. И эта забота выражает одну из драгоценных черт советских людей — стремление освободить других от тех трудностей, которые пришлось перенести самому.

Речь идет о том, чтобы, вручая диплом и путевку, руководители вуза говорили своему воспитаннику не «прощай!», а — «до свиданья!», чтобы они говорили ему:

— Мы поможем тебе итти в гору, а ты, набравшись опыта, корректируй наш труд, чтобы мы не застывали в прежних формах работы, чтобы мы не окостенели в них!

ЧЕЛЯБИНСК.

Повторение ошибок

Л. САНОВ

В сентябре прошлого года пленум Союза советских писателей Украины обсуждал работу молодежного литературно-художественного журнала «Дніпро». Пленум отметил, что в журнале систематически печатались идейно чуждые и антихудожественные произведения. «Редакция журнала,—говорилось в резолюции пленума, — не только не сгруппировала вокруг себя талантливых молодых писателей, но в результате неправильной идейно-творческой линии оттолкнула от журнала лучшую часть советской литературной молодежи, затирала ее».

Новая редакция «Дніпро» приступила к работе в конце прошлого года. К сожалению, сдвиги, которых добился журнал за это время, весьма незначительны. Правда, редакция выявила ряд молодых писателей. Расширилась тематика публикуемых материалов. Но хороших произведений, служащих делу коммунистического воспитания молодежи, появилось на страницах «Дніпро» очень мало.

Лучшее из опубликованного журналом— повесть молодого донецкого писателя В. Попова «Сталь и шлак». Она посвящена металлургам Донбасса, их жизни и труду в первые месяцы Великой Отечественной войны. Повесть правдива, конфликты в ней, как и образы героев, жизненны. Автор, сам инженер-металлург, глубоко знает материал. Он любовно показал героическую работу заводского коллектива, снабжавшего фронт металлом.

Интересны записки морского штурмана И. Гайдаенко «Далекий рейс», напечатанные в третьей книжке журнала. Автору их довелось посетить многие заокеанские порты. Глазами советского человека увидел И. Гайдаенко картины подневольной жизни индусов, малайцев, арабов, живущих в обстановке жестокой расовой дискриминации, изнемогающих под гнетом европейских и американских колонизаторов. Это и составляет содержание его записок. Но, к сожалению, они местами слишком торопливы и беглы. Есть в них ненужная дань экзотике — следы традиционно-описательного изображения южных и восточных стран и морей.

Привлекает внимание повесть А. Турчинской «Звезды на вершине». Это одна из немногих в украинской литературе попыток показать революционную борьбу в Закарпатье перед его освобождением и воссоединением с Советской Украиной. Однако борьба эта изображена односторонне—только против иноземного гнета.

Лирическая хроника А. Пидсухи «Во имя жизни», поэма Н. Рудя «Легенда о стали», циклы стихов Б. Чалого «В странах мира», Я. Шпорты «Молодость», Ю. Гойды «Люди моей земли» и некоторые другие говорят о творческом росте молодых поэтов. Но, к сожалению, многие из них крайне нерешительно берутся за темы труда и восстановления, ограничиваясь воспоминаниями о событиях военных лет. И даже в изображении этих событий они не ищут новых путей, сознательно сковывают себя узкими сюжетными рамками, иногда выдвигая на первый план интимно-лирическое начало.

В какой-то мере эти черты отразились на поэме Н. Руденко «Ленинградцы». Серьезные замечания вызывает ее идейно-психологическая концепция, самая разработка взятой темы. В центре поэмы — полемика с Гербертом Уэллсом о войне. Н. Руденко стремится показать несостоятельность уэллсовского понятия о страшной, всеуничтожающей войне, как неизбежном роке человечества. Такому понятию, по замыслу автора, противопоставляется жизнеутверждающая идея освободительной, справедливой войны. Но выражена эта идея в поэме недостаточно глубоко и последовательно.

Неразборчивость редакции сказалась не только на поэтическом разделе. О том же говорит факт опубликования пьесы Н. Дубова «У порога». Центральный герой пьесы—начальник лаборатории научно-исследовательского института, конструктор Сергей Бугров. Автор наделил его многими моральными пороками, искусственно противопоставил коллективу работников лаборатории. Руководимый болезненным самолюбием, неверием в силы товарищей по работе, Бугров дезертирует со своего поста.

Антиобщественные поступки Бугрова автор выдает за частную, временную ошибку, за случайное, легко исправимое заблуждение. Он окружает его образ ложным ореолом страдальчества «непонятой души». Даже после того, как всем становится ясно, что Бугров окончательно оторвался от коллектива, стал чужим для него, автор старается вызвать сочувствие к этому «герою», смягчить остроту осуждения его воинствующего индивидуализма.

Явную безответственность и гнилой либерализм проявила редакция, пропустив в печать вредную, идейно порочную повесть Н. Щепенко «Человек идет к солнцу». В этой повести искаженно, уродливо представлены коммунисты одного из сельских районов Украины.

Секретарь райкома партии Пылаев, прибывший на новое место работы, встречает со стороны партийных и советских руководителей района резко отрицательный прием. Злобную подозрительность, недоверие выказывают ему все те, с кем Пылаеву предстоит работать, выводить район из прорыва. Старые секретари райкома Якуба и Величко предстают в повести карьеристами, пьяницами, обывателями, а секретарь по кадрам Борзило — перерожденцем и клеветником.

В повести неверно показаны взаимоотношения между коммунистами и беспартийными. Политически безграмотно звучит заявление Пылаева о «врастании» в партию.

Идя по пути ложного, политически неверного отображения жизни партийной организации района, Н. Щепенко то и дело впадает в шарж, в карикатуру при обрисовке образов коммунистов. Идейная беспомощность автора проявилась и в примитивных построениях любовного конфликта повести, в пошлых характеристиках «районных дам», в целом ряде других недопустимых отступлений от жизненной правды. Опубликование такого «произведения» справедливо квалифицировано общественностью, как грубая политическая ошибка редакции.

Особо следует сказать о разделе публицистики и критики. Заметно некоторое улучшение этого раздела. В нем помещен ряд ценных статей на общеполитические и литературные темы: «У карты отчизны» Н. Михайлова, «Тридцать лет УССР» В. Готта, «Т. Г. Шевченко» А. Корнейчука и др. Что же касается литературно-критических статей, то большинство их носит информационно-цитатный, популяризаторский характер.

Одной из главных задач журнала является решительная и последовательная борьба против пережитков буржуазного национализма и всяческих проявлений космополитизма и низкопоклонства перед Западом. Читатель с удовлетворением воспринимает появление в журнале статей, вскрывающих рецидивы буржуазного национализма в творчестве украинских писателей М. Рыльского, И. Сенченко, Ю. Яновского. Но удивление и тревогу вызывает тот факт, что редакция собралась дать эти статьи лишь в третьей и пятой книжках журнала за этот год. Вредные же, порочные произведения И. Сенченко «Его поколение» и Ю. Яновского «Живая вода» были опубликованы в самом «Дніпро» еще в прошлом году.

Вызывают сомнение и некоторые положения опубликованных статей. Так, статья Ю. Бурляя «В плену националистических концепций», вместо того, чтобы вскрыть всю порочность романа Ю. Яновского «Живая вода», фактически пытается смягчить суровую оценку, данную этой националистической книжке в решениях ЦК КП(б)У и на сентябрьском пленуме ССПУ. «Едкий скепсис точит и прямо отрицает книжно-романтическую приподнятость образов «Живой воды», — читаем в статье. Выходит, что автор статьи счел буржуазно-националистические «теории» Яновского, его клевету на советских колхозников «едким скепсисом», а пасквильные образы книжки — «романтически-приподнятыми образами»? Ю. Бурляй и дальше прибегает к подобной же терминологии.

Подробно рассматривая раннее творчество Яновского, он лишь скороговоркой касается романа «Живая вода». Между тем это последнее произведение не случайно в творчестве Яновского; — оно явилось результатом его низкопоклонства перед буржуазным Западом и высокомерно-презрительного отношения к советским людям. Не это ли прежде всего и нужно было, хоть с опозданием, раз'яснить читателям журнала!

В разоблачении националистических извращений редакция оказалась непоследовательной. В аннотации на второй том сочинений П. Панча она заявляет: «Роман «Голубые эшелоны» написан на материале о крахе контрреволюционной петлюровщины под ударами Красной Армии, он сатирически раскрывает предательскую сущность буржуазно-националистических «освободителей», наемно-немецкое существо петлюровцев — изменников родины». Этим, по сути, восхваляется порочная книжка, содержащая попытку реабилитировать петлюровщину, наделить петлюровских офицеров возвышенными чертами характера и т. д. Вместо того, чтобы осудить переиздание этого вредного романа, редакция рекомендует его читателям.

Недостатки литературно-критического раздела сказываются и в слабости библиографии. Рецензии на книги публикуются редко, да и те невысокого качества. Редакция несмело привлекает к участию в журнале новых, молодых критиков, не воспитывает их.

Очевидно, что журнал «Дніпро» неудовлетворительно выполняет свои задачи по коммунистическому воспитанию молодежи. Он еще не стал подлинным центром творческой работы молодого поколения писателей Советской Украины, не мобилизует их на изображение в художественных произведениях послевоенной жизни и труда молодежи.

Журнал нуждается в деловой помощи президиума Союза советских писателей Украины, который до сих пор слишком мало им занимался. Резко усилить руководство журналом должен Центральный Комитет ЛКСМУ, органом которого «Дніпро» является.

В обстановке общего под'ема литературной жизни на Украине есть все возможности для того, чтобы решительно улучшить этот журнал, поднять его идейно-художественный уровень на должную высоту.

Новые книги о флоте

Издательство Министерства Вооруженных Сил Союза ССР выпускает ряд новых книг о советских военных моряках.

Готовится к печати повесть ленинградского писателя А. Зонина «Свет на борту». Книга посвящена героической борьбе балтийских моряков против немецко-фашистских захватчиков на дальних и ближних подступах к Ленинграду в первые месяцы Великой Отечественной войны.

Биографический очерк «Дважды Герой Советского Союза Леонов» написал М. Величко. Книга рассказывает о знаменитом североморском разведчике, отличившемся в боях с немецкими и японскими империалистами.

Молодой писатель капитан 3-го ранга Г. Соловьев выступает с повестью «Трудное плавание»—о курсантах высших военно-морских училищ.

О патетике подлинной и мнимой

В. ГАЛЬПЕРИН

«Я к вам приду в коммунистическое далеко», — говорил Маяковский, обращаясь к «товарищам-потомкам».

Два десятилетия, прошедшие с тех пор, — сравнительно небольшой исторический отрезок времени. Но уже одето в леса величественное здание коммунистического общества, и ничто не может остановить нашего неуклонного движения вперед.

«Коммунисты, вперед!» — как приказ сердца звучит рефрен превосходного стихотворения А. Межирова. Поэт нашел убедительные слова, чтобы передать самую динамику нашего движения, в котором коммунисты всегда шли в первых рядах, всегда находились на линии огня.

Со стихами Межирова перекликается яркое стихотворение А. Кулешова «Коммунисты». Образ крылатого огненного флага символизирует для поэта высокий полет коммунистических идей. Чувством неразрывной связи с коммунизмом, кровной близости к нему проникнуты его стихи.

Этим словом, самым верным, самым чистым,
Самых близких называю не один.
Я хочу, чтоб назывался коммунистом
Сын родной мой и родного сына сын.

С каждым годом все сильнее над планетой
Наше солнце разгорается во мгле.
Скоро будут называться — знаю это —
Коммунистами все люди на земле.

Советский народ недавно отметил столетнюю годовщину «Манифеста Коммунистической партии», о котором Ленин говорил — «эта небольшая книжечка стоит целых томов: духом ее живёт и движется до сих пор весь организованный и борющийся пролетариат цивилизованного мира».

Естественно и закономерно, что на страницах наших газет и журналов появились стихи, посвященные этой исторической годовщине.

В лучших из них с большой силой сказалась отличительная черта советской публицистической поэзии, — события столетней давности органически и неразрывно связываются с сегодняшней борьбой за коммунизм.

В гневную инвективу против наших зарубежных врагов превратил свое стихотворение «Манифест Коммунистической партии» поэт С. Наровчатов.

Он точно нацеливает «грозное оружие» своего стиха.

Страх в каждом сгустке херстовской грязи,
Страх в каждом залпе, грянувшем в Пирее,
Страх в лживой передаче Би-Би-Си,
Страх в стадном послушанье ассамблеи.

И перед ним бессилен Белый дом,
Тот Белый дом, что перестал быть белым
С тех самых пор, как квартиранты в нем
Наш белый свет марают черным делом.

Подлинно поэтические слова находит С. Наровчатов для того, чтобы показать великую роль нашей Родины в коммунистическом наступлении.

Дорогой битв, через хребты преград,
Вслед за тобой, народ моей отчизны,
Неисчислимый движется отряд,
Как ставший плотью призрак коммунизма.
На страх врагам — тропа времен пряма,
И наш отряд, что вдаль по ней шагает,
В бои ведет история сама
И нашими руками побеждает!

«Над страницами «Манифеста» — так назвал свое стихотворение Михаил Светлов. Скупыми и лаконичными штрихами показывает поэт, как наша страна сделала явью великую программу Маркса и Энгельса.

«Манифест Коммунистической партии» предстает в стихах М. Светлова, как повседневное руководство к действию.

Ветра истории страницы шевелят,
И нет правдивей, нет вернее этой, —
Написанной сто лет тому назад, —
Грядущей биографии планеты!

Стихи о коммунизме — это стихи о самом близком и дорогом сердцу советского человека. Поэтому каждая фальшивая нота так режет чуткий слух читателя-современника, поэтому так нетерпимы в стихах о коммунизме равнодушное декламаторство и рассудочная риторика.

С большим интересом открываешь № 5 журнала «Знамя», где напечатана поэма Павла Антокольского «1848».

Можно только приветствовать замысел поэта, взявшегося за трудную, но благодарную тему, — показать события памятного года рождения «Манифеста». Есть в поэме отдельные находки, запоминающиеся образы, яркие строчки. П. Антокольский стремился придать своим стихам воинственную публицистичность, что в ряде случаев ему отлично удалось. И все же такие удачи носят частный характер.

Недостатки этой небольшой поэмы столь велики и очевидны, что о них хочется поговорить подробнее.

В поэме П. Антокольского нет главного, что могло бы оправдать ее название, — какой-либо попытки воссоздать эпоху появления Манифеста, бурные события 1848 года. Она лишена четкой исторической конкретности.

В. Маяковский, вспоминая историю написания своей поэмы «Владимир Ильич Ленин», говорил: «Я очень боялся этой поэмы, так как легко было снизиться до простого политического пересказа».

К сожалению, П. Антокольский пошел именно таким путем простого политического пересказа. Многие куски «1848»— сухой стихотворный конспект, в самом общем виде излагающий отдельные этапы всеобщей истории.

Неслись года. Росли народы.
В первоначальный пласт породы
Врубался Труд. Прошло сто лет.
Был день. Шумела непогода,
Октябрь Семнадцатого года
Из грозных битв, из тьмы времен (?!)
Перед Европой, злой и ржавой, (?!)
Возник могучею державой
В багряном зареве знамен...

Так скользит поэт по поверхности исторических событий, превращая их в расплывчатые, порою символические абстракции. Печально, что такой взыскательный мастер, как П. Антокольский, буквально наводнил поэму литературными штампами. Это видно хотя бы и из приведенного выше отрывка. Здесь и «багряное зарево знамен», и «грозные битвы», и «могучая держава». и т. д.

П. Антокольский грешит трудно об'яснимым пристрастием к абстрактной риторике, к словам с большой буквы, которые вызывают в памяти космические символы поэтов «Кузницы». Умозрительные «Вчера» и «Завтра», «Капитал» и «Труд» заняли место живых реалистических образов. Может быть, как раз поэтому воинственная публицистичность автора не направлена против конкретного, осязаемого врага. Разве можно считать серьезным противником примитивную фигурку буржуа, взятую напрокат из театра марионеток?

Вот он, в цилиндре, в рединготе,
Всеевропейский готентот!
Он лжет о завтрашней погоде. (?!)
Лжет этот. Привирает тот.

Он трусит завтрашней погоды.
Он мертв без шарфа и калош. (?!)
Он проживет, наверно, годы.
Но это долголетье — ложь. (?!)

Товарищ Сталин назвал «Коммунистический Манифест» «песнею песней марксизма». Не только гениальные идеи, мысли, но и яркий образный стиль Манифеста должны вдохновить поэта на стихи, содержание которых требует и достойной этого содержания формы.

Все мы помним, каким великим и в то же время «самым земным» встает Ленин со страниц поэмы Маяковского. Тенденция к формалистическому «украшательству» привела П. Антокольского к явным политическим бестактностям, а самый образ Маркса поэтому предстал в обедненном и нарочито сниженном виде.

Пятнадцать лет назад Семен Кирсанов написал псевдоисторическую поэму «Товарищ Маркс». В самом начале ее рассказывается, как Кирсанов, совершающий путешествие в 1848 год, встретился с Марксом в брюссельской пивнушке, где якобы происходили собрания революционеров.

Вспоминаешь невольно этот эпизод, читая «1848» Павла Антокольского,

«В кафе», где «над столом висит табачный дым», сходятся «бородачи». Так несколько фамильярно, видимо, сам не чувствуя бестактности этой фамильярности, величает Антокольский Маркса и Энгельса. Вождям международного пролетариата приписаны не свойственные им черты высокопарности и бахвальства. Каждый, кто знает исключительную скромность, которой отличались Маркс и Энгельс, не может не удивиться, услышав от П. Антокольского такой тост: «За нас, товарищи! — воскликнул Маркс, вставая...» «... Ведь каждому из нас придется на плечах нести немаленький кусок земного шара!»

Самая эта сцена больше напоминает тайную вечерю заговорщиков-бланкистов, чем деловую встречу Маркса и Энгельса с революционерами 1848 года.

Стаканы сдвинулись. И в отблесках пожара
Их тени на стене росли до потолка,
А бороды ушли, казалось, в облака. (??)
Казалось, чокались не люди, а гиганты,
В ту ночь, на торжестве борьбы и пропаганды.

В этом же эпизоде П. Антокольский использует сомнительную архаико-библейскую образность. Маркс входит «в злобу дня, как в первый день творения» (?!), дыша, «как первенец под материнским кровом»... и т. д.

В другом месте обрисован исторический момент окончания Марксом работы над «Коммунистическим Манифестом». Странным образом поэт навязывает основоположнику передового научного мировоззрения роль «испытателя судьбы», который гадает по Шекспиру — «быть или не быть».

И как школяр берет рапиру,
Чтоб испытать ответ судьбы,
Раскрыл он старого Шекспира,
Прочел: «To be or not to be»..

П. Антокольский, очевидно, не задумался над тем, что уподобить Маркса школяру даже метафорически, по крайней мере, легкомысленно.

Великий переворот, произведенный Марксом в науке об обществе, передан в терминах игры в кегли:

В конечном счете, лжет и Гегель.
Уже трещит небесный кров
От стука вышибленных кегель
И вышибающих шаров...

Холодная риторика, бездушное украшательство не только ослабляют публицистическое звучание поэмы П. Антокольского, но, как мы видели, ведут и к прямому искажению исторической правды.

Хотелось бы напомнить поэту следующие слова Маркса:

«Людям, которым все служит для стилистических упражнений, трактуемый предмет всегда представляется, вследствие такого **формального** отношения, в извращенном виде, а извращенное представление, в свою очередь, кладет печать вульгарности на форму».

Поэтические ляпсусы и политические неточности в стихах П. Антокольского взаимно определяют друг друга.

Их лампа, как передовой редут...
Дорогу освещает коммунистам,
Которые через сто лет придут...

Но ведь известно, что редут дорогу освещать не может. Кроме того, свет учения Маркса—Энгельса освещал коммунистам дорогу, еще начиная с того 1848 года, которому посвящена поэма.

Трудно понять, почему, например, призрак коммунизма кажется поэту, «как мечта (!), рослым» и «несбыточным, как сон», почему он считает, что диалектика «выдумана», почему Маркс и Энгельс «стоят у входа в середину века и ждут борьбы и жаждут торжества!», в то время как известно, что они были политическими борцами уже с начала сороковых годов.

«1848» свидетельствует о недостаточно взыскательном отношении опытного и талантливого художника к ответственной теме, к своей поэтической работе.

Поэме предпослан эпиграф из Маяковского.

Но не «испепеляющее жжение» слов, которые «в движение приводят миллионов сердца», а «слова-сырец», «словесную руду», против которых восставал Маяковский, риторику, заслонившую большую тему, находим мы в поэме П. Антокольского.

О коммунизме советский поэт обязан писать точными, ясными, выверенными и в то же время страстными и вдохновенными словами.

Юрий ЛИБЕДИНСКИЙ

Пробуждение Садык-джана

Первая книга советской литературы о колхозах — «Поднятая целина» М. Шолохова—появилась в начальный период коллективизации — в 1932 году. Процессы, происходящие в сознании крестьян в связи с коллективизацией, нашли яркое художественное воплощение в этой книге.

Жизнь идет вперед. Деревенская «целина» уже давно поднята. Но процесс ликвидации пережитков отсталой, собственнической психологии в массах колхозников еще не закончен. Процесс утверждения нового, социалистического отношения к труду продолжается. Поэтому книги о начале колхозного движения и сейчас волнуют советских читателей.

Книги о первых годах колхозного строительства сейчас появляются и в литературах тех братских республик, где процесс коллективизации закончился позднее, нежели в центральных районах Советского Союза. Таковы романы «Дорога к счастью» адыгейского писателя Тембота Керашева, «Ацаван» армянского писателя Наири Зарьяна, «Два чинара» узбекского писателя Абдуллы Каххара.

А. Каххар рассказывает историю возникновения колхоза «Два чинара». В центре внимания автора — отсталый и забитый батрак Садык-джан. На первый взгляд кажется странным, почему именно он избран главным героем романа. Садык-джан—не организатор и не передовой деятель колхозного движения. Однако, если внимательно вникнуть в судьбу героя, замысел автора становится ясным. Колхозное движение — не только могучий рычаг перехода сельского хозяйства к социалистическому производству. Оно является также мощным фактором перевоспитания крестьянина в сознательного члена социалистического общества, строителя коммунизма. Именно эта особенность колхозного строя заинтересовала А. Каххара, и потому его привлекла судьба Садык-джана.

Попав в положение бесправного батрака в байском хозяйстве тестя, Садык-джан решает уйти из семьи. После долгих лет тяжелой работы он, наконец, уходит от тестя таким же бедняком, каким пришел. Его бывшие товарищи работают в колхозах, некоторые стали знатными людьми, и Садык-джан с горечью думает о том, как сильно отстал он от своего народа.

По стечению обстоятельств Садык-джан оказывается в местности, которая раньше называлась «Капсанчи», что означает «побирушки». До революции она принадлежала богатому ишану. Оросительной системой, без которой в Узбекистане невозможно земледелие, владел здесь русский князь, хозяин водокачки. Крестьяне платили ишану за землю, а русскому князю— за воду. Они влачили полуголодное существование, за что их презрительно и несправедливо называли «побирушками».

В первые годы после революции басмачи разрушили водокачку. Сельское хозяйство кишлаков оказалось в бедственном положении, и нищета крестьян еще больше возросла. Но теперь все «капсанчи» об'единились в колхоз; председателем его стал работать коммунист Урман-джан, уже имевший опыт колхозного строительства.

Садык-джан пришел в этот колхоз, когда «капсанчи» переживали особенно тяжелое время. Засухи сменялись наводнениями, то и другое влекло недород. Несмотря на это, Урман-джан поставил перед колхозом грандиозную задачу: возродить оросительную систему, прорыть канал, воздвигнуть плотину для борьбы с наводнениями и создать большое хлопководческое хозяйство.

В первые же дни пребывания Садык-джана в колхозе становится ясно, как отстал он от массы колхозников, насколько он ниже их в моральном отношении. Когда ему поручают привезти на строительство продукты, Садык припрятывает часть их для себя. Ему еще не знакомо чувство коллектива.

Но мощь и романтика коллективного труда неожиданно для самого Садык-джана захватывают его. Глубочайшие движения души, сопровождающие перерождение этого человека, показаны писателем правдиво и выразительно. Мы видим, как великая сила социалистического соревнования начинает действовать на сознание отсталого и темного крестьянина.

Каждый вечер после работы на строительстве зачитываются показатели выработки за день. Имя Садык-джана не упоминается в сводке, потому что он не участвует в соревновании. И наступает такой момент, когда Садык-джану хочется, наконец, услышать свое имя среди имен соревнующихся. Он обращается к бригадиру:

«— Балта-бай ака, хвалельщик ваш все время упускает меня из памяти, ничего это?

— А в чем дело? Боитесь за свой заработок?

— Я не о заработке говорю, Балта-бай, заработок можно и не записывать. Только вечером, когда выкликают людей... человеку обидно становится.

Лицо Балта-бая прояснилось.

— Если хотите, чтобы ваше имя выкликали, присоединяйтесь к соревнованию».

Так начинается пробуждение Садык джана. Лучшие стороны его души — трудолюбие, прирожденное доброжелательство к людям, простосердечие в отношениях с ними и стремление к тому, чтобы они уважали его, — укрепляются в его сознании. А. Каххар раскрывает глубину и сложность процесса становления нового человека. В душе Садык-джана происходит борьба социалистического отношения к труду с привычками, укоренившимися за годы жизни в байской семье.

Образ Садык-джана удался автору, и эта удача — главное достоинство романа. Нельзя этого сказать о председателе колхоза «Два чинара». Этот образ неподвижен, статичен. Ведь так же, как Садык-джан, родился, вырос в узбекской деревне и Урман-джан. Но он прошел совсем другой путь, став большевиком, организатором колхозного движения еще в ту пору, когда Садык-джан был целиком в плену отсталых традиций. Как рос Урман-джан, почему его жизнь сложилась именно так, из романа мы не узнаем: образ сельского большевика-узбека остался только намеченным. Этот большой недостаток снижает художественную и познавательную ценность романа.

Второй серьезный недостаток — слабое отражение классовой борьбы в узбекской деревне. В романе упоминаются два кулака — тесть Садык-джана и Таджи-бай, втершийся в колхоз. Однако роль их обоих сводится, главным образом, к семейному деспотизму. Яростное сопротивление кулаков коллективизации, их вредительство, саботаж, совершенно не показаны в романе.

Но светлая, глубоко оптимистическая картина созидательной силы людей, пробуждающейся в условиях социалистического строя, оправдывает опубликование книги. А. Каххар показывает, как все лучшее, что было в национальных традициях узбекского народа, начинает служить колхозному строительству. «У всех, кто на одном корабле, — одна судьба», — такой старинной поговоркой говорит о колхозе одна узбечка; «грудь колхоза широкая», — новой поговоркой вторит ей другая колхозница.

А. Каххар подчеркивает уважение и любовь узбеков к братскому русскому народу, который оказывает им повседневную помощь в строительстве республики. Об этой любви на страницах романа вдохновенно говорит старый народный певец. Но в самом романе, к сожалению, нет ни одного героя — русского. Это не может не удивить читателя, знакомого с той ролью, какую сыграли русские коммунисты в коллективизации сельского хозяйства среднеазиатских республик.

Роман А. Каххара локален: мы узнаем Узбекистан и в ярких деталях ландшафта, и в говоре персонажей, и в описаниях национальных костюмов и обычаев. Но именно здесь возникают многие недостатки книги.

Рисуя быт узбекского кишлака, автор нередко любуется такими обычаями, которые уже не типичны, ибо отошли в прошлое.

Мало того, что роман растянут и описателен. Чрезмерно увлекаться изображением старого, уходящего — значит отступать от правды жизни, ибо типично в жизни не это старое, а то новое, что каждодневно рождается советской, социалистической действительностью. Отступление от правды привело автора еще к одному крупному недостатку: в книге нет образов новых женщин-узбечек.

Как и во всей стране, неизмеримо поднялись, выросли колхозы Узбекистана. Бурно идет духовный рост наших колхозников. Читатель вправе ждать от А. Каххара книгу о дальнейшей судьбе колхоза «Два чинара» и его героев — Садык-джана, Урман-джана и других. Читатель хочет видеть, какими стали они теперь, в наши дни. Взяв это за главное, сам писатель сможет быть на уровне жизни; он сумеет полнее показать образы узбеков-большевиков, братскую помощь русского народа в расцвете республики, трудовые и боевые подвиги узбеков в годы войны и в послевоенной сталинской пятилетке — на новом этапе нашего движения к коммунизму.

Абдулла Каххар. «Два чинара». Журнал «Звезда Востока». Ташкент. №№ 1, 2—3, 5, 6, 8, 11. 1947.

Шефские спектакли на кораблях

Шефство над Военно-Морским Флотом стало славной традицией в жизни театральных коллективов страны. Театры выезжают на корабли, где показывают свои лучшие спектакли. Опытные режиссеры руководят кружками художественной самодеятельности. Для моряков читаются лекции по истории литературы и театрального искусства.

Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР наградил почетными грамотами большую группу работников Хабаровского театра драмы за образцовое обслуживание моряков Амурской Краснознаменной флотилии. За год этот театр дал для подшефных 14 спектаклей. В числе пьес, поставленных театром на кораблях,— «Молодая гвардия», «Русский вопрос», «Глубокие корни», «Бесприданница».

Несколько дней назад на одном из кораблей Черноморского флота состоялся спектакль Крымского областного драматического театра им. М. Горького. Была показана пьеса «Вас вызывает Таймыр».

Заслуженным успехом у черноморцев пользуются спектакли Севастопольского государственного драматического театра им. Луначарского. Очередная премьера театра состоится в День Военно-Морского Флота.

Ю. ЗВЯГИН

В зале Коларчевского университета

Заметки с Дунайской конференции

1.

Тридцатого июля в здание Коларчевского университета, расположенного на одной из центральных площадей Белграда, собрались участники Дунайской конференции. По случаю открытия конференции зал пленарных заседаний в этот день, несмотря на страшную жару, стоящую сейчас в югославской столице, был набит доотказа. На обширном балконе, с трех сторон окаймляющем зал, были заняты не только все места, но и проходы. Там находились гости и около ста журналистов, представляющих печать многих стран мира, как участвующих, так и не участвующих в конференции.

Стол заседаний, за которым разместились делегации, имеет форму подковы. В центре подковы — место председателя, за спиной которого огромные, во всю высоту зала, государственные флаги стран-участниц Дунайской конференции.

Места за столом распределены в порядке русского алфавита. Главы делегаций председательствуют поочередно, также в порядке русского алфавита. Это первый случай в практике международных конференций, так как обычно для подобных целей пользовались французским или английским алфавитами.

Этот факт некоторые корреспонденты занесли в свои записные книжки как первую «сенсацию» Дунайской конференции 1948 года.

2.

Завсегдатаи международных конференций, коих здесь немало, особенно среди журналистов, с первых же заседаний остро почувствовали, что в зале Коларчевского университета воцарилась совершенно иная атмосфера, чем на других конференциях последних лет. Это и не могло быть иначе, ибо на Дунайской конференции впервые большинство принадлежит представителям подлинно демократических стран. Чуждые узурпаторским стремлениям, стремящимся во что бы то ни стало навязать свою волю не согласным с ними делегациям, они с'ехались на конференцию, чтобы в атмосфере делового и лояльного сотрудничества разрешить вопрос о Дунае — реке, играющей огромную роль в экономической жизни именно этих стран.

Однако первые же заседания, посвященные вопросам процедуры конференции, показали, что эти деловые намерения демократических стран отнюдь не встретили должного отклика со стороны представителей США, Великобритании и Франции. Всю свою энергию делегации этих стран направили на организацию обструкций, явно взяв курс на то, чтобы наглыми ультимативными требованиями попытаться навязать остальным участникам свои желания.

Конечно, делегации западных стран не могли не понимать, что эта тактика, несмотря на ее эффективность в тех случаях, когда она применяется по отношению к бенилюксам Европы и других частей света, здесь обречена на неизбежный провал. Но, как говорится, попытка — не пытка...

На втором заседании французский представитель Тьери пред'явил конференции следующий ультиматум: «Никакое большинство, будь то простое большинство, или квалифицированное большинство в 7/10, не может изменить существующего положения (т. е. не может принять новой конвенции. — Ю. З.) без предварительного согласия на то всех заинтересованных стран».

Естественно, что это заявление вызвало гул негодующего ропота, прокатившегося по залу, — настолько оно было неожиданным и противоречило общепринятой практике международных конференций. Еще большее удивление вызвало то, что французский делегат даже не потрудился как-либо мотивировать свое требование. Он лишь невнятно пробормотал что-то о «приобретенных правах» Франции на Дунае, не сказав, что это за «права» и за чей счет они «приобретены». Да и вообще из заявления Тьери конференция смогла сделать только один вывод: его хозяевам с Уолл-стрита очень хочется, чтобы новая конвенция о судоходстве на Дунае была составлена в нужном им духе...

В защиту французского ультиматума осмелился выступить лишь английский представитель сэр Чарльз Пик. В отличие от своего французского коллеги, он оперировал кое-какими аргументами. Однако его аргументы оказались настолько несостоятельными и обращался он с ними так неуклюже, что после речи Пика американский представитель Кеннон поспешил заявить, что он «откладывает» свое выступление по этому вопросу.

Надо отдать должное Кеннону: он поступил благоразумно. Потому что, таким образом, американцы, когда большинство конференции решительно отвергло домогательства англичан и французов, смогли сделать вид, что это их совершенно не касается. Впрочем, никто в зале не сомневался, что в данном случае американцы делают хорошую мину при плохой игре и что в действительности вся эта история с французским ультиматумом — их крупное морально-политическое поражение.

3.

Следует заметить, что в кулуарах конференции некоторые оптимисты долго надеялись на то, что г-н Кеннон еще выскажется по вопросу о французском ультиматуме. Основанием для таких ожиданий служил весьма любопытный эпизод, героем которого оказался сэр Чарльз Пик.

Вот что произошло. Дискуссия о французском ультиматуме развернулась на заседании в субботу 31 июля. После обстоятельного выступления главы советской делегации А. Я. Вышинского конференция решила покончить с этим вопросом, причем ни с чьей стороны возражений не было. В понедельник конференция почти немедленно рассмотрела вопрос о правилах процедуры и надеялась на следующем заседании перейти к основному вопросу — обсуждению будущей конвенции. Велико же было изумление делегатов и публики, когда английский представитель неожиданно заявил, что он намерен во вторник выступить с ответом на «обвинения Вышинского», якобы содержавшиеся в его субботней речи.

Разумеется, конференция имела полное право не разрешать английскому делегату возвращаться к вопросу, давным-давно обсужденному. Однако к просьбе Пика подошли не с формальной, а с деловой точки зрения и разрешили ему высказаться: существовала надежда, что, может быть, после столь продолжительного раздумья английский делегат скажет что-нибудь действительно заслуживающее внимания.

Увы! Достопочтенный сэр не оправдал этих надежд. В длинной речи, отнявшей вместе с переводами добрых два часа, английский представитель не высказал ни одной новой мысли, но зато по крайней мере в пяти случаях грубо исказил историческую правду. Стремясь отвлечь внимание слушателей от существа его абсолютно несостоятельного выступления, он с первых же слов намеренно придал своей речи драматический характер. Изменив традиционной английской невозмутимости, Чарльз Пик низвергал в зал потоки фраз, сопровождая их беспорядочной жестикуляцией, в которой — в наиболее патетических местах — участвовали не только руки, но и голова оратора. От этого речь, конечно, не становилась убедительней, а лишь забавней. Неудивительно поэтому, что зал реагировал на нее веселым оживлением.

С ответом английскому представителю выступил глава советской делегации А. Я. Вышинский. В яркой речи, изобилующей неопровержимыми фактами и точной юридической аргументацией, товарищ А. Я. Вышинский дал глубокий политический анализ выступления сэра Пика, разбил один за другим все его сомнительные доводы и разоблачил допущенные им грубые извращения исторических фактов. Зал выслушал эту речь с исключительным интересом, причем все обратили внимание на то обстоятельство, что советскому представителю потребовалось меньше часа, чтобы дать сокрушительный ответ на речь главы английской делегации, готовившегося трое суток...

4.

В кулуарах конференции в Белграде часто высказывается мнение, что советская делегация и на этот раз выступает убедительнее своих оппонентов. Если при этом разговоре по соседству случайно окажется недоброжелатель, он не преминет заметить с ученым видом знатока, что успех советской делегации обеспечивается, будто бы, исключительно обилием документов, которыми она располагает.

Действительно, советская делегация, как это видно из опыта первых заседаний, располагает солидным документационным багажом.

Вооруженность документами позволяет советской делегации парировать любой удар, который исходит от противостоящих ей делегаций. И не было еще случая, чтобы такой удар не был отражен. Более того, советская делегация иной раз помогает другим делегациям разбираться... в их документах. Так было, например, с французами, которые безнадежно запутались в датах собственных нот и которым советская делегация пришла на помощь, об'яснив, о какой именно ноте говорят французы, сами того не подозревая...

Бесспорно, советская делегация пришла на Дунайскую конференцию, как всегда, отлично подготовленной. Но секрет ее успеха заключается, конечно, не только и не столько в этом. Он кроется прежде всего в той глубоко принципиальной позиции по вопросу о Дунае, которую всегда защищал Советский Союз, считавший, что все проблемы Дуная должны решать сами придунайские страны с учетом возможных интересов других государств.

Именно эта ясная, логическая и принципиальная установка, отвечающая интересам придунайских народов, кровно заинтересованных в судьбе Дуная, положена в основу проекта конвенции о режиме судоходства по Дунаю, представленного советской делегацией. Этот проект после его основательного изучения уже получил одобрение со стороны делегаций придунайских стран. Но одновременно он вызвал ряд возражений со стороны делегаций западных стран, представители которых почти без обиняков заявили, что им не нравится проект, ибо он направлен к ликвидации «прежнего положения» на Дунае. Это и понятно, если учесть, что в прошлом западные державы являлись полными хозяевами Дуная.

Советский Союз выступает на конференции как выразитель и поборник интересов придунайских стран перед лицом открытых поползновений международных империалистов, надеющихся, что им вновь удастся наложить лапу на эту могучую водную артерию Центральной и Восточной Европы.

Заседания в Коларчевском университете показывают, что придунайские страны во главе с Советским Союзом готовы приложить все усилия к тому, чтобы выработать такую конвенцию о режиме судоходства по Дунаю, которая эффективно обеспечит их законные права и навсегда сделает Дунай свободным от контроля со стороны неприлунайских государств.

Предвыборная завеса

На-днях на пресс-конференции Трумэн заявил, что «расследования» сенатской комиссии Фергюсона рассчитаны на то, чтобы «отвлечь внимание общественности от инфляции».

Он сказал далее, что так называемая «шпионская коммунистическая сеть в Вашингтоне» существует только в голове исполняющего обязанности председателя комиссии по расследованию антиамериканской деятельности Мундта.

Еще вчера — ретивей Мундта —
Он обнаруживал следы
«Коммунистического бунта»
И всякой прочей ерунды.

Но чёрный гангстер Уолл-стрита
Так опозорился опять,
Что президент совсем открыто
Посмел об этом рассказать.

Ой, поглядите, что творится!
Он даже Мундта не боится,
Хоть наглый Мундт за эту речь
Его к суду бы мог привлечь!

Вчера лишь — вместе с Фергюсоном —
Он сеял панику и страх.
— Ставь коммунистов вне закона!
Их книги надо сжечь в кострах!

Но все Лойолы Уолл-стрита
Так провалились в этот год,
Что президент совсем открыто
Им речью отповедь даёт.

Ой, поглядите, что творится!
Он Фергюсона не боится,
Хоть Фергюсон за эту речь
Его к суду бы мог привлечь!

Что президент храбрец-мужчина —
Никто не знал до сей поры.
Но в чем же главная причина
Разоблачительной игры?

Он, как и прежде, верен стягу
Реакционного пути.
Но ведь теперь нужна отвага!
Пора на выборы итти!

Вы поглядите, что творится!
Он даже Мундта не боится,
Хоть наглый Мундт за эту речь
Его к суду бы мог привлечь!

Он речь сказал подобным тоном,
Чтоб в Белый дом войти опять
И снова с Мундтом — Фергюсоном
В едином блоке выступать.

СЕГОДНЯ он сурово судит
Певцов костра и топора,
А ЗАВТРА вместе с ними будет
Всё то же делать, что ВЧЕРА.

Вот почему он так храбрится
И даже Мундта не боится,
Хоть наглый Мундт за эту речь
Его к суду бы мог привлечь!

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Из иностранной почты

АМЕРИКАНСКИЕ ГЕСТАПОВЦЫ

Американский гражданин Леон Джозефсон — юрист по профессии, коммунист по убеждениям. Он был недавно приговорен к году тюремного заключения и к штрафу в размере 1000 долларов лишь за то, что выразил свое негодование по поводу деятельности «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности».

Американские гестаповцы, как сообщает «Дейли уоркер», начали перебрасывать Джозефсона из одной тюрьмы в другую. С ним обращались бесчеловечно. За все время ему ни разу не разрешили свидания с женой.

Тюрьма в Милане (штат Мичиган), в которой Джозефсон находится в настоящее время, — это тюрьма, где в основном содержатся лица, осужденные за преступную торговлю всевозможными наркотиками. Здесь их 600 человек, причем многие из них рецидивисты, приговоренные к 10-летнему заключению.

Об условиях пребывания в тюрьме говорит тот факт, что Джозефсон в результате физических и нравственных пыток в течение двух недель потерял в весе около 20 фунтов. После того как Джозефсон отказался от подаваемой ему совершенно гнилой пищи, он был брошен на 48 часов в камеру-одиночку, где не было ни постели, ни стула и где весь дневной рацион состоял из одного куска хлеба, который тюремщики просовывали под дверь.

Ан. СОФРОНОВ

Шайка гангстера Мундта

Неслыханно провокационная и беспримерно наглая история похищения советских граждан О. Касьенкиной и М. Самарина с семьей, произведенного средь бела дня сворой американских жандармов и их белогвардейских подручных в Нью-Йорке, не может не вызвать самого гневного отклика всей советской общественности. К решительному и справедливому требованию, изложенному в заявлении В. М. Молотова, единодушно присоединяет свой голос весь наш народ, до глубины души возмущенный произволом белобандитов, орудующих под сенью звезднополосатого флага США и пользующихся покровительством лидеров «демократии доллара».

Не может не броситься, однако, в глаза, что за белогвардейской шайкой, возглавляемой шпионкой Александрой Толстой, потерявшей всякое представление об элементарной человеческой совестливости и не побоявшейся втоптать в грязь американских притонов даже имя своего великого отца, маячат фигуры явно иного и притом «истинно американского плана». В их числе громила Мундт — самый крупный конгрессмен среди гангстеров и едва ли не самый известный гангстер среди конгрессменов.

Всюду в США, где пахнет скандальной политической провокацией или многоэтажной ложью, — ищите Мундта, и вы не ошибетесь. Неудивительно, что и в данном случае исполняющий обязанности председателя комиссии по расследованию антиамериканской деятельности и автор драконовского «законопроекта», направленного против всех прогрессивных сил в США, Карл Мундт оказался вдохновителем этого гнусного дела.

Что же представляет собой этот гангстер от политики, в «деловой» физиономии которого, как в зеркале, отражена вся Америка Трумэна—Дьюи, страна суда Линча, «обезьяньих процессов» и усовершенствованных автоматических наручников системы Эдгара Гувера, главаря Федерального бюро расследования — американской охранки?

Много лет назад, еще будучи номинально школьным учителем в штате Южная Дакота, гангстер Карл Мундт уже орудовал как ростовщик и столь неистово восхвалял на всех перекрестках фашизм, что его зычный голос был услышан не только «боссами» штата, но и кое-кем повыше.

Крупный капитал взял «подающего надежды» громилу «на заметку» и решил к нему присмотреться. Мундт, узнав об этом, пришел в неописуемый восторг. Когда в 1938 году штат Южная Дакота должен был послать депутата в конгресс, Уолл-стрит указал перстом именно на него. Среди лиц, внесших немалые суммы в тайный фонд для обеспечения прихода Мундта в конгресс, были «короли химии» Ламотт и Ирене Дюпон, семья «королей нефти» Пью, газетный магнат и один из самых махровых реакционеров Маккормик, наконец, дочь «алюминиевого короля» Роберта Меллона. Они сделали свое дело: на политическом аукционе в штате Южная Дакота «победителем» оказался Карл Мундт.

Так на доллары, щедро отпущенные фашизированной верхушкой Уолл-стрита, Карл Мундт купил себе «право» в качестве «политика» измываться над американским народом, угрожать силам демократии и прогресса; став в последнее время во главе пресловутой «комиссии», он избрал своим «советником» главного приказчика Моргана—основателя фашистской «Лиги свободы» Джона Дэвиса и под его руководством открыл бешеный огонь по всему, что неугодно владыкам американских монополий.

Не слишком ли, однако, большую честь оказываем мы гангстеру Мундту, задерживаясь на его биографии? Но в современной американской действительности Мундт перестал быть только личностью; он стал понятием, олицетворяющим самую оголтелую реакцию, которая толкает — открыто и повседневно — всю страну на путь фашизма. Вот почему этот презренный наймит крупного капитала с таким рвением хватается за любую возможность ухудшения отношений с СССР и странами новой демократии. Мы не забыли провокационной позиции Мундта и его выпадов после того, как раздались выстрелы, направленные в члена делегации УССР в Организации Об'единенных Наций тов. Стадника. Мы помним и о том, что «коллега» гангстера Мундта и его соучастник Эдгар Гувер — видимо, не без приказа свыше — до сих пор никак не может обнаружить преступников, стрелявших в тов. Стадника! А ведь нам приходилось не раз встречать в печати хвастливые заявления главаря американской охранки, в которых он с чисто мюнхтаузенской лихостью рекламировал доблести свои и своего аппарата.

Ныне Мундт, действуя заодно с Гувером и с лакейской умиленностью оглядываясь на государственный департамент, стремится создать шитое нитками грязной провокации «дело Касьенкиной» и принимает все меры к тому, чтобы головорезы из охранки возможно надежнее упрятали Самарина с семьей.

Действуя испытанными методами, не раз применявшимися против лучших сынов американского народа, Мундт и в данном случае не останавливается перед тем, чтобы оболгать, оклеветать, облить грязью советского человека. Скупые слова записки Касьенкиной генеральному консулу СССР, пересланной ею из белогвардейского притона, куда ее завлекли силой и обманом, звучат как клятва верности родине и народу. Но гангстеру Мундту ничего не стоит об'явить, что по имеющимся у него (точнее, сфабрикованным им) «данным» Касьенкина якобы готовилась стать «лицом, не имеющим гражданства».

Однако и это еще не все. Рассматривая набор своих политических отмычек, гангстер Мундт уже подумывает вслух о проникновении в советское консульство. И его советником по этому делу выступает не кто иной, как видный чиновник государственного департамента Болен, который слывет специалистом по «русскому вопросу».

За последнее время мистер Трумэн в припадке предвыборного красноречия не раз говорил о необходимости стоять на страже «гражданских свобод» в США. Сохранение гражданских свобод, если мы не ошибаемся, предполагает одновременно корректное, как минимум, обращение и с иностранными подданными, решительно ни в чем неповинными даже с точки зрения американских законов. Не подлежит сомнению, что вся эта чудовищная история, рассчитанная на «внутренний эффект» и одновременно на ухудшение советско-американских отношений, представит в подлинном свете дежурные заверения Трумэна, как пустой предвыборный трюк.

Мы глубоко убеждены, что решительный протест товарища В. М. Молотова, справедливо действующего от имени всего советского народа, возмущенного прямым попустительством властей США шпионским белогвардейским организациям, возымеет быстрое действие и заставит не только освободить советского гражданина Самарина, его жену и троих малолетних детей, но и пресечь преступную деятельность белобандитов, которым американские мундты покровительствуют.

Одна из видных американских прогрессивных деятельниц Джексон как-то с грустью констатировала, что США «настолько заняты «экспортом демократии», что не в состоянии иметь ее в достаточном количестве здесь, в самой стране». События показывают, что и эта откровенно критическая оценка положения в США является слишком оптимистической. Американские держиморды превратили демократию у себя в стране не только в «скоропортящийся», но и попросту в хронически отсутствующий продукт!

Р. КИМ

«ТИГРОВ» ВЫГНАЛИ В ПОЛЕ...

Перед нами жизнеописание одного молодого человека. Во время войны его мобилизовали, он попал в строительный батальон, возводил укрепления на побережье. Он работал изо всех сил. Но однажды утром офицер, командовавший батальоном, собрал всех перед репродуктором. В гробовой тишине они выслушали указ главы страны о капитуляции. Нашего героя охватило отчаяние, он не хотел примириться с ужасной для него новостью. В этот момент откуда-то издалека донеслись до него странные звуки: «тока-тон-тон». Они произвели неожиданное действие — он освободился от угара войны.

Но каждый раз, когда он начинает заниматься чем-либо, — спортом, политикой, спекуляцией, учебой и т. д., — доносятся проклятые звуки, и у него пропадает ко всему охота. Наконец, молодой человек решает покончить с собой, но и это ему не удается. Опять: «тока-тон-тон»... Самоубийство кажется ему глупой комедией. И тогда он пишет письмо одному писателю, просит дать совет: как спастись от преследующих его звуков и найти место в жизни. Концовка рассказа: писатель советует автору письма обратиться к богу, может быть, с его помощью удастся избавиться от «тока-тон-тона».

Таков рассказ «Тока-тон-тон». Автор не об'ясняет, что означает сие звукосочетание, но дает понять, что это символ раз'едающего скепсиса, лишающего человека воли к любому действию.

А вот другой рассказ под названием «Глиняный чан». Герой рассказа Ники — конторский служащий. Жизнь для него утратила всякий смысл. Война окончилась, растет рабочее движение, всюду происходят демонстрации и забастовки, но Ники считает все это бессмысленной возней. Он пребывает в состоянии полной апатии, не ощущает ничего, кроме безысходной тоски. Однажды он напивается и, возвратясь домой, видит большой глиняный чан, перевернутый вверх дном. Ники осенила блестящая мысль: а что, если залезть под чан? Он так и поступает и обретает долгожданное блаженство.

Вы спрашиваете: откуда это? Из английского декадентского журнала «Хорайзн»? Или из органа французских мракобесов «Ле тан модерн»? Или из очередного сборника американских новелл?

Ни то, ни другое, ни третье. Оба рассказа напечатаны вертикальными строчками, идущими справа налево, и для того, чтобы прочитать их, надо знать не меньше 1.200 иероглифов. Автор первого рассказа — Дадзай, второго — Тоёсима. Рассказы взяты из токийского журнала «Гундзо», в котором печатаются сочинения ведущих писателей сегодняшней японской литературы, находящейся под покровительством штаба американских оккупационных войск.

С благословения генерала Макартура, взявшего на себя руководство «идеологическим воспитанием японцев», в литературе «страны восходящего солнца» быстро воспрянули к жизни декаденты всех мастей, человеконенавистники, специалисты по растлению душ и умов, которые в прежние годы находились на услужении у военно-фашистской диктатуры. Эти, с позволения сказать, «писатели» вступили даже в весьма своеобразное состязание: кто покрепче, позабористей ошельмует человека и докажет бессмысленность его бытия. Камбаяси, например, вывел в своих «творениях» галлерею душевнобольных. Ода отдает предпочтение развратникам, Сакагути — людям, проникшимся презрением ко всему миру и считающим единственным своим жизненным принципом отсутствие всяких нравственных устоев.

Вся эта низкопробная стряпня вполне соответствовала взглядам Макартура на «идеологическое перевоспитание» японцев. Но вскоре штаб Макартура начал проявлять признаки беспокойства. У журналов, печатающих произведения японских декадентов, оказались опасные соперники — органы прогрессивной литературы. Они писали о том, как живут и борются сейчас миллионы простых людей в Японии. В этих журналах печатались рассказы о рабочих-железнодорожниках, которые, несмотря на запрещение Макартура, проводят забастовки; о деревенских комсомолках, ведущих борьбу с суевериями и торговлей женщинами; о деятелях демократической культуры. Эти журналы из номера в номер знакомили читателей с советской литературой.

Американский шеф японской литературы генерал Макартур решил принять срочные меры. По линии военной цензуры были введены новые правила, касающиеся публикации переводов произведений иностранных авторов. В результате с апреля прошлого года имена советских авторов исчезли из журналов.

В Японии нехватает бумаги. Специальный комитет по распределению бумаги раздает бумажные рационы всем журналам поровну. Но так как количество изданий сильно возросло, а общее количество бумаги осталось прежним, рационы стали уменьшаться. Многим журналам пришлось резко сократить об'ем. Толстые литературные ежемесячники превратились в тонкие брошюры. Впрочем, это коснулось только демократических журналов, которые не имели возможности покупать бумагу на черном рынке. Ссылаясь на директиву о «свободе печати», комитет охотно выдавал бумагу по преимуществу тем журналам, которые относятся к разряду бульварных, порнографических.

Однако эти мероприятия дали несколько неожиданный для «шефа» результат: небольшие по об'ему номера прогрессивных изданий быстро раскупались, а груды пошлых журнальчиков с пикантными обложками, пролежав до конца месяца на прилавках книжных магазинов, возвращались обратно на склады издательств. Только за три месяца прошлого года — июль, август, сентябрь — было возвращено три миллиона экземпляров таких изданий. Все они пошли на обертку. И тем не менее свою «задачу» они частично выполнили — лишили бумаги прогрессивные журналы...

Но ни цензурный нажим, ни политика «бумажной петли» не могут поколебать положения, завоеванного в народе прогрессивной литературой.

Несколько месяцев назад крупнейшая буржуазная газета «Майници» об'явила конкурс на лучшее произведение послевоенной японской литературы. Роль жюри была предоставлена читателям газеты. Им предстояло присудить «Премию культуры» путем голосования.

Лидеры буржуазной литературы заранее предсказывали исход конкурса. Они уверяли, что лауреатом будет кто-либо из представителей декадентского течения, вроде Сакагути, автора скандальных новелл «Идиотка», «Тело женщины» и т. п.

Но дело приняло оборот, совершенно неожиданный для организаторов конкурса. В голосовании приняли участие самые широкие круги читателей. Премию пришлось отдать автору повестей «Равнина Бансю» и «Трава кадзаси». В первой повести описана поездка жены революционера на свидание к мужу, приговоренному к многолетнему заключению. Вторая — посвящена жизни писательницы, которая в течение 20 лет ждала своего мужа — революционера, заключенного в тюрьму, не прекращала работы, не поддавалась отчаянию и, наконец, дождалась его возвращения. Так читатели проголосовали за произведения, воспевающие духовный подвиг и моральную стойкость передовой женщины. Первое место в литературе сегодняшней Японии было отдано Миямото Юрико, писательнице-коммунистке.

Вскоре последовал ответный ход реакции. Два с половиной года японцы ждали осуществления директивы Макартура о привлечении к ответственности военных преступников, в частности, тех, кто славословил японскую агрессию. И вот в день опубликования декларации нового премьер-министра Асида в «Правительственном вестнике» появился список литераторов, составляющих основную группу «идеологических военных преступников». В списке фигурировали 270 фашистов. Правительство запретило им занимать официальные должности и писать статьи на политические темы. Но не это, в сущности, является главным, ибо все эти фашисты не претендуют на должности в министерствах. Достоин внимания третий пункт «приговора», гласящий, что этим идеологическим военным преступникам предоставляется право беспрепятственно заниматься художественной литературой. И так как большинство «осужденных» всегда отдавало предпочтение беллетристике, решение правительства Асида равносильно приговору «утопить щуку». Японцы в таких случаях применяют и другое сравнение. Газета «Токио Симбун» заявила, что этот приговор означает, что «тигров выгнали в поле». Та же газета пишет по поводу комедии суда, что это лишь «маневр с целью укрепления реакционной культуры».

Но 270 фашистских «тигров» не спасут положения. Прогрессивная литература, в авангарде которой идут 500 писателей — членов Лиги демократической культуры, в противовес литературе, поощряемой американским «шефом», опирается на широкие массы японских трудящихся. Это подлинно народная литература. Ее не затравишь «тиграми», наемными писаками, которые вчера служили фашистской военщине, а сегодня пресмыкаются перед новым хозяином, давшим им амнистию и доллары.

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

В СТРАХЕ ПЕРЕД ДИККЕНСОМ

Корреспондент агентства Рейтер сообщил, что в Малайе цензура запретила демонстрировать более 50 фильмов, содержащих сцены народного возмущения, так как, по ее мнению, «в настоящий момент азиатским зрителям опасно показывать такие сцены».

Недавно по приказу колониальных властей был снят с экрана фильм, сделанный по роману Диккенса «Повесть о двух городах». Основанием для этого послужил тот факт, что фильм содержит эпизоды из истории Французской революции.

ИЗ-ПОД ПАЛКИ

О моральном состоянии монархо-фашистской армии Греции можно получить некоторое представление из приказа командира 17-го батальона майора Бутоса, который приводится здесь в выдержках:

«Мы констатировали, что подавляющее большинство офицеров и солдат ежедневно под разными предлогами стремится остаться в тылу, а при задержании приводит совершенно безосновательные, а часто даже абсурдные доводы.

В подкрепление аргументов они ссылаются также и на то, что не приспособлены к тактике нынешней войны. Есть и такие, кто прибегает ко всяким бесчестным уловкам и ухищрениям, чтобы уклониться от ношения славной формы солдата».

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, отдел писем — К 0-62-91, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—02645.